Читайте:

4 Новые имена:
Храм Терпсихоры

6 У нас в гостях поэты из Брянска:
К. Болотников, М. Бондарева, И. Демидов

10 Валерий АНИШКИН:
Три источника влечений

12 Денис ВОЛИН:
Ельник

17 Геннадий МАЙОРОВ:
Забытая память

20 Новые проекты:
Бюст полярному исследователю

22 Виктор ЛИВЦОВ:
Легенды города Болхова

24 Стукалинские чтения:
Надежда Волненко, Анатолий Сидорков

2018-2019 © ORELTIMES.RU | «Сетевое издание «ОрёлТаймс»
Телефон редакции: +7 (4862) 48-82-92
Электронная почта редакции: oreltimes@yandex.ru
Адрес редакции: г. Орёл, ул. Октябрьская, д. 27, пом. 9
Главный редактор: Елена Николаевна ГОДЛЕВСКАЯ
Учредитель: ООО «Орёлтаймс»

Регистрационный номер: ФС77-73833 от 19 октября 2018 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор РФ).

Геннадий МАЙОРОВ

Напомним памятные даты России в декабре

1 декабря — *Открытие в Орле Губернской художественной школы (1919 год).*

3 декабря — День Неизвестного Солдата. *Памятная дата России, которая отмечается с 2014 года в память о российских и советских воинах, погибших в боевых действиях.*

В этот день в Орле открыли мемориальную доску на здании филологического факультета ОГУ.

5 декабря — День воинской славы России. *День начала контрнаступления советских войск против немецко-фашистских войск в битве под Москвой (1941 год).*

9 декабря — День Героев Отечества. *В Орле в этот день традиционно возлагают гирлянды Славы к стеле «Город воинской славы» и к бюстам местных героев (например, Героя Советского Союза А. В. Горбатова, Героев Российской Федерации А. Н. Рязанцева и А. В. Скворцова, разведчиков И. Д. Санько и В. И. Образцова).*

10 декабря — *В этот день в 1877 году русские войска взяли турецкую крепость Плевна*

12 декабря — День Конституции Российской Федерации.

17 декабря — *В этот день в 1788 году русские войска под командованием князя Г. А. Потёмкина взяли турецкую крепость Очаков.*

23 декабря — *В этот день в 1914 году царским указом была сформирована первая эскадра бомбардировщиков «Илья Муромец» — это событие считается днём рождения Дальней авиации России.*

24 декабря — День воинской славы России. *День взятия турецкой крепости Измаил русскими войсками под командованием А. В. Суворова (1790 год).*

Профессиональные праздники

2 декабря — День банковского работника.
8 декабря — День образования российского казначейства.
17 декабря — День сотрудников Государственной фельдъегерской службы России.
18 декабря — День работников органов ЗАГСа.
20 декабря — День работника органов безопасности Российской Федерации
22 декабря — День энергетика.
27 декабря — День спасателя Российской Федерации.

№74’ декабрь2026
Новый Орёл+XXI век

Учредитель и издатель: РИФ «3-е ИЮЛЯ», Академия изящной словесности «Орлея

СОЮЗПИСАТЕЛЕЙ-57.РФ. Тел. +7(9107) 48-11-02
Письма и документы направлять по E-mail: bobclub@mail.ru
Журнал «Новый Орёл» зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Св. ПИ №77-3089 от 24.03.2000 г. (г. Орёл, ул. Ленина, 1)
Вышло в свет 135 номеров

12+

Главный редактор
Геннадий Николаевич МАЙОРОВ

Литературный редактор
Наталия Михайловна ЕЛИЗАРОВА

Дизайн, вёрстка: GM

Подписано в печать 01.12.2026 г. Выход в свет: с 01.12.2026 г.
Тираж 777 экз. отп. на базе издательства в ПК МедиаГруппа «Дворянское гнездо» (г. Орёл, ул. Октябрьская, 34а)
Заказ №74-НО+ Цена свободная
Фото из открытых источников
Редакция оставляет за собой право отклонить и не комментировать присылаемые материалы без объяснения причин

Храм Терпсихоры

Орловская детская хореографическая школа имени Э. М. Панковой — одно из ведущих учреждений дополнительного образования в сфере хореографического искусства в регионе. Она была открыта в 1980 году в Орле. в здании бывшего клуба воинской части. В 2014 году школа переехала в современное просторное здание по адресу: г. Орёл, ул. 60-летия Октября, д. 11а.

Школа активно участвует в конкурсах. В 2014 и 2018 годах она становилась победителем Общероссийского конкурса «50 лучших детских школ искусств» Министерства культуры РФ. В 2021 году стала лауреатом и обладателем медали Всероссийского конкурса «Образовательная организация XXI века. Лига лидеров – 2021» в номинации «Лучшая хореографическая школа».

Ансамбль «Цветы планеты» получил звание «Заслуженный коллектив народного творчества Орловской области» и отметил 40-летний юбилей. Выпускники школы поступают в ведущие профильные учебные заведения, такие как Московская государственная академия хореографии, Академия русского балета им. А. Я. Вагановой, Академия танца Бориса Эйфмана, а также в хореографические училища Краснодара, Воронежа и на отделение при Государственной Пражской консерватории.

«Бывает ведь, — лицом цветок, а нутром — головёшка чёрная». П. Бажов

Давайте вместе погрузимся в удивительный мир Урала, где сама Хозяйка медной горы дарит несметные богатства за верность и трудолюбие, и наказывает на лень и злобу! Где можно встретить озорную Огневушку и Серебряное копытце, любящих друг друга Данилу и Екатерину, Великого Полоза...

Приглашаем всех на наш новый балет "Малахитовая шкатулка"!

БРАВО!

Сегодня с гордостью хотим рассказать об успехе нашей выпускницы Полины Бахтиной!

2-е место в Общероссийском конкурсе «Молодые дарования России» — это не просто награда, это признание таланта на самом высоком уровне.

Полина, ты — пример того, как упорство превращает мечты в реальность.

Для педагогов нет большей награды, чем видеть, как наши ученики достигают таких высот.

Мы гордимся тем, что стали частью этого пути.

Поздравляем с заслуженной наградой!

Цветы планеты

Осень стала для нашего ансамбля «Цветы планеты» по-настоящему особенной: на телеканале «Культура» состоялась премьера выпуска проекта «Большие и маленькие» (Мосфильм, 2026), в котором блистали наши девочки!

Поездка на Мосфильм — это не просто приключение, а целая жизнь, сжатая в один день. Мы увидели внутреннюю кухню телепроизводства: от работы гримёров до магии съёмочных павильонов.

Что стоит за этими минутами эфира?

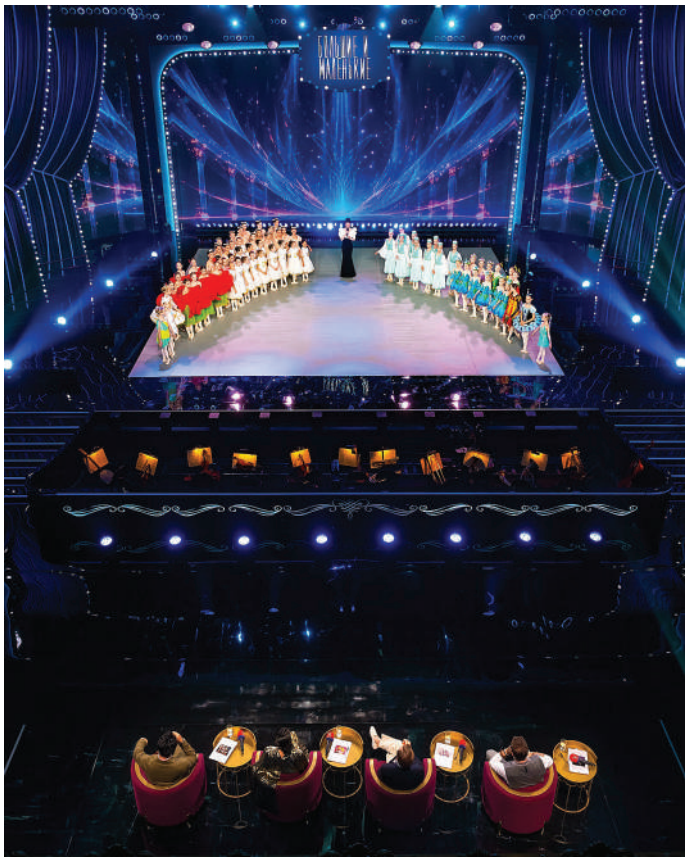
Месяцы упорных репетиций под руководством Ирины Ивановны Гречкиной.

Работа над техникой, эмоциями и образом.

Незабываемый опыт съёмочного процесса: интервью, грим, свет софитов и волнение перед выходом на сцену.

Наши девочки показали невероятную отдачу!

Благодарим команду телеканала «Россия-Культура», организаторов и спонсоров проекта «Большие и маленькие» — за профессионализм, гостеприимство и чудесные подарки и эмоции, которые остаются в сердцах наших детей надолго!



Константин БОЛОТНИКОВ

Константин Болотников родился 18 июля 1978 года в Бежицком районе города Брянска. Окончил среднюю школу № 11, поступил в Брянский политехнический колледж им Н.А. Кубяка. Активно участвовал в художественной самодеятельности, играл в команде КВН. Работал на разных предприятиях, в том числе на Бежицком сталелитейном заводе и заводе «Кремний». Заочно получил высшее образование в Брянском государственном техническом университете.
Сочинять песни и стихи начал в 1997 году (для рок-группы и сольных выступлений). Песня на его стихи исполнялась на местном радио.

1

Сияет полная луна,
спокойна неба вышина.
Поёт дворовая шпана,
гитара в тишине слышна.

Войдёт в проём окна весна,
станцует под простой мотив,
босою ножкой зацепив
моей души стакан без дна.

Случайно, вовсе не со зла,
но вот бежит на край стола
упрямой каплей молока

моя короткая строка,
моя упрямая строка,
как жизнь, светла и коротка.

2

О, этот сон! В том давнем сне
плакатом миновавших дней
Гагарин Юра на стене
и космос звёздами в окне,

огромен, тёмен и далёк.
Вот запах струганых досок,
вот папа что-то мастерит,
и мама на него глядит

с улыбкой той, что навсегда
исчезла после без следа.

Я сохранил их в странном сне
и подарил его луне,

она его теперь во тьме
порой ночами шепчет мне.

3

Где скрыт в листве изгиб реки,
в час танца духов водяных
гудят полночные жуки
среди деревьев вековых.

Где двое, сидя на бревне,
мышей летучих слыша звон
и лики обратив к луне,
учуяли видений сонм.

Где всё вздохнуло в унисон,
где с детских губ слетают сны,
дремучим таинством полны,

где жизнь не чувствует времён,
там ты и я среди весны
попались на блесну луны.

4

Играют тени от дерев
в полночной темноте весны,
ступают дети, повзрослев,
путями бледными луны.

На кухне пальчики её
моей склонённой головы
касаются. Мы здесь вдвоём.
Срослась душа, бледнеют швы.

И вот я что-то мастерю,
плакатом из ушедших дней
Егорка Летов на стене

молчит... Подобно алтарю,
зовёт домой моих детей
благословенный свет в окне.

5

Всё здесь. И до меня, и после.
Мир не исчезнет в никуда.
На листьях пляшет лунный отсвет,
жив ветер и течёт вода.

Район уснул, бегут мгновенья.
Подкладка дня черным-черна,
на воле мечутся виденья,
и на столе стакан без дна.

В тугой, звенящей тишине…
В ней до утра остался мне
пролёт окна, где под луной

я счастлив, как дурак весной.
И кажется такой порой:
все снова живы и со мной.

Мария БОНДАРЕВА

По образованию журналист-печатник. Поэт, новеллист, переводчик-любитель. Литературный турист, активный участник и мастер поэтических фестивалей. Обладатель Гран-при Международного фестиваля-конкурса «Берега дружбы», а также проекта «ПРОгород». Победитель 7-го Всероссийского литературного фестиваля-конкурса им. А.Л. Чижевского в номинации «Малая проза», литературного конкурса имени Галины Павлухиной, международных конкурсов «От детства к детству», «Пастернаковское лето» и других. Лауреат всероссийского фестиваля-конкурса «Русский лад», международного конкурса «Мы все наследники Победы», премии «Фонарь», конкурса им. Твардовского, Сожских берегов дружбы... Публиковалась в журналах «Аврора», «День и ночь», «Краснодар литературный», альманахах «Царицын», «Полынья», «Российский литератор», «Зёрна», «Облака вдохновения». Участник множества тематических сборников от издательств «Перископ-Волга», «Четыре», «Союз писателей/Иное»...

Десять лет

Огромный мир пугающе неведом.
Махорка, недосушенная дедом.
Консервный нож. Монетка на ребре
в её неидеальном серебре.

Квадрат значка в его зеркальном блеске.
Мохнатые кривые перелески,
где треск кустов, и шёпоты осин,
и визг сапог. Скрипение корзин,

на сорных шляпках высохшая хвоя.
Велосипед (поместятся лишь двое):
дыбы, занос, катание без рук.
В суставах окольцованный бамбук,

и толстый лещ, медлительный и плоский.
Цветные в телевизоре полоски,
советской койки панцирная клеть...
И целых десять лет, чтоб не взрослеть.

***
У калитки истоптан ревень.
Батя снова мусолит ремень,
я готовлюсь искать пятый угол.
Из кармана торчит коробок,
в нём вмещается бронзовый бог —
он сегодня заменит мне друга.

Я по крышке веду, и рука
будто чувствует близость жука.
Он в ответ копошится легонько.
Мир сужается вмиг до ушка́,
выбираю момент для прыжка —
начинается новая гонка.

Луч закатного солнца потух,
я хватаю ломóть и рептух,
за околицу шмыгаю робко.
Небо — синий колодец, хоть пей.
На штанах — благородный репей,
смысл жизни — в картонной коробке…

***
Искусный мастер, резавший витраж,
что спрятал ты на крыльях стрекозиных?
Благие лета, тягостные зимы,
мечты далёкой призрачный мираж?

Старик-стекольщик, знал ли наперёд,
о чём звенят хитиновые жилы?
Куда глядят её глаза-кружилы,
когда тоска по прошлому берёт?

Шлифуют лапки óзера топаз,
мерцают робко радужные фритты.
Горит крыло, и в зелени нефрита
я вижу мир, и он похож на пазл.

***
Электрические блики
бьются птицами в окно.
Кто-то чёрный и безликий
тянет неба полотно.
Сквозь малиновое нёбо
предрассветного холста
на макушку небоскрёба
пробирается звезда…

Бездомный кот

Бездомный кот исполнен колтунов.
Его бока есть атлас бледных пятен,
и этот двор мохнатому понятен,
и этот мир. Он, в общем-то, не нов.

Бездомный кот огромен и клыкаст.
Он переждал обломы и облавы.
Несёт клеща, как высший Орден Славы.
Сурвивалист. Он мог вести подкаст,

как выживать, не дёргая блесну,
шипеть змеёй. Скакать весёлой серной.
Лакать бульон из баночки консервной.
Ну, как бульон — что тёплого плеснут.

Бездомный кот открыт себе во вред:
идёт к ногам и ластится сутуло.
Четыре ножки. Столько же у стула.
А всё ж с помойки тащат табурет…

***
Февраль пришёл. Тяжёлый, медный, стылый
(крыльцо опять сосульку отрастило).
Как супостат, всегда заходит с тыла:
я перед ним беспомощно нага.

Чернит мои надсаженные плечи,
и под ногами — траурное лечо,
худеет ночь, но будто бы не легче,
охота смыть коротких дней нагар…

Иван ДЕМИДОВ

Родился и вырос в г. Брянске. Стихи пишет с 16 лет. Автор сборника поэтических произведений «Мифы». Победитель Международного литературного конкурса «Это нужно не мёртвым! Это надо живым!» (2024, Могилёв). Лауреат II степени XX Всероссийского конкурса патриотической поэзии им. А.Т. Твардовского «Есть имена и есть такие даты» (2026, Калуга). Финалист VI Всероссийского открытого молодёжного литературного фестиваля-конкурса им. А.Л. Чижевского и победитель конкурса ЛИТО «Словом едины» в номинации «Лучшее патриотическое стихотворение» (2024, Калуга). Публиковался в газете «Брянский рабочий», альманахе «Литературный Брянск» и патриотическом сборнике СПР Брянского отделения.

К композиции М.Е. Белодубровского* «Сон»

Чуть уловимое виденье.
Чуткий сон.
Шуршанье клавиш фортепьяно.
Как хитон,
струится тюль, шершавя глянцевый паркет.
Немое соло.
Как струна, дрожащий голос.
Пронзительный и тонкий голос скрипки.
Мир неустойчивый и зыбкий.
Ночное откровенье.
Тет-а-тет.
Лопнула струна.
Тишина.

**М.Е. Белодубровский — композитор, скрипач, педагог. Родился в г. Брянске в семье музыкантов.*

К композиции М.Е. Белодубровского «Четыре стихотворения Эйхендорфа»

Трепещет, как живой, в руке смычок,
вибрирует невидимый каскад.
Как чаша, наполняется вдруг сад
звенящим стрекотанием цикад.

И, серенадой переполнив слух,
о камень, словно содзу*, бьёт бамбук,
Издав короткий булькающий звук,
мелодия рассвета в нас течёт.

**Содзу — устройство, традиционно используемое в японских садах.*

Цветками розовых камелий

Нет, я не чёрствый, просто замела метель
следы, оставленные мною прошлым летом,
в садах судьбы твоей, где нынче проглядел,
как промелькнули вдоль сугробов твои гэта*,

как распахнулось кимоно, слетая с рук,
цветками розовых камелий распускаясь,
как ничего не предвещало нам разлук,
вот только нежность истончилась, угасая.

Я продолжал звонить тебе по вечерам,
но просто вьюга заигралась с проводами,
в твоих объятиях тонул ещё вчера,
но тихо ты сёдзи** задвинула меж нами,

и разлетелась вмиг снежинками любовь,
перед глазами мельтеша в безумном танце,
под музыку Рентаро Таки*** значит вновь
с тобой навек нам суждено теперь расстаться.

**Гэта — традиционная японская деревянная обувь, напоминающая сандалии в форме скамеечки.*
***Сёдзи — элемент традиционной японской архитектуры, который может выступать в качестве двери, окна или перегородки, разделяющей внутреннее пространство жилища.*
****Рентаро Таки — японский пианист и композитор эпохи Мэйдзи.*

Аквилон

Так хочется душевной теплоты
и капельки сердечного участья,
но только в лоно вечной мерзлоты
мирок наш погружен, и ежечасно

нездешний задувает аквилон,
пронизывая до костей одежды,
и лица людям выжег телефон —
прямоугольник пластика нездешний.

И с лиц улыбки перебрались в чат,
но, до истерики в подушку плача,
вновь душит одинокость по ночам,
когда стать можно снова настоящим.

Ледяные библиотеки

Зима — коварная плутовка
дневным безветрием нежна.
И мне становится неловко
искать о вьюгах письмена

в оборках туй под звук капели,
возле таможенных ворот.
На манускрипты о метелях
лёг мокрой плёнкой серый лёд.

В подборках дзена и литреса
пурга шальная не слышна,
но просит зимнего протеста,
не просит — требует душа

и рвётся вновь в библиотеки
к высоким полкам ледяным,
где в переплётах ждут метели,
но их тома мне не видны.

Гость и коллега из Липецка

В читальном зале Орловской областной библиотеки имени И.А. Бунина прошёл очередной разговор в рамках ВСТРЕЧного проекта «Автор a tempo» (идея: Наталия Елизарова и Наталья Меркурьева).

У нас в гостях был Александр Пономарёв – прозаик, драматург из Липецка. Автор девяти книг прозы и драматургии: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012), «Эпоха Водолея» (2015), «Бабкины сказки - Дедкины подсказки» (2015), «Охота на призрака» (2015), «Прозрачное небо Сирии» (2019), «Наш принцип» (2019), «Отряд СКЛОН» (2021), «Чёрная Мамба» (2025). Закончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического института, Республиканский институт МВД России по специальности «практическая психология». Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе.

Член Союза писателей России (2011), член-корреспондент Крымской литературной Академии (2012), член Академии российской литературы (2017), Русского Географического Общества (2018), Председатель Правления Липецкой областной организации «Союз писателей России» (2023), Секретарь СПР (2023).

Произведения Александра Пономарёва публиковались в журналах и интернет-изданиях России, Абхазии, Украины, Белоруссии, Германии, Финляндии, США, Греции, Приднестровья, ЛНР, Новой Зеландии, Сирии, Кубы. Переведены на арабский, армянский, венгерский, белорусский, бурятский, немецкий, крымскотатарский, французский, татарский, калмыцкий, чувашский, испанский, тувинский и осетинский языки. Лауреат национальных и международных литературных конкурсов.

После встречи с читателями Александр выступил в эфире Радио России – Орёл.

Валерий АНИШКИН

Три источника влечений

(из книги «Моя карма»)

Женщины меня волновали лишь настолько, насколько это заложено природой и насколько этого требовала физиология, которая определяется всего лишь выбросом в кровь тестостерона. Древние индусы говорили: «Есть три источника влечений человека: душа, разум и тело. Влечение душ порождает дружбу. Влечение умов – уважение. Влечение тел порождает желание…». Я больше полагался на влечения души и разум. Уловок, которыми пользуются мужчины для соблазнения женщин, я не знал, а поэтому чаще оказывался в ситуации, когда девушка сама проявляла инициативу, и благодаря Богом данным женщине лукавству и кокетству, желание присвоить меня исходило от неё, а я, неискушённый в правилах любовной игры, мог разве что неумело подыгрывать, оставляя за ней право на уверенность, что она объект и жертва моего ухаживания. Все эти связи не отличались какими-то страстными чувствами и проходили, не задевая сердца и не оставляя глубокого следа в виде душевных ран. Я был однолюбом и маниакально, как Дон Кихот Ламанчский, оставался преданным одной Дульсинее, – той, которая поселилась в небольшом уголке моего сердца, где не осталось места для других.

Однажды я получил письмо из Ленинграда, которое мать вложила в свой конверт, потому что пришло на наш старый домашний адрес. Письмо вызвало у меня чувство боли и ностальгической грусти и оставило неприятный осадок от чувства вины. На двух листах, написанных аккуратным убористым почерком, содержалось признание в любви. Незнакомка писала, что я не замечал её, хотя старалась быть у меня на виду, а сама так и не решилась признаться в своём чувстве. Может быть, во мне и сидел, как однажды сказала в упрёк Маша Миронова, «некоторый цинизм», но я искренне жалел девушку, потому что при всей своей кажущейся рациональности сам знал, что такое муки любви. Как ни пытался, я не мог вспомнить её лица, но остался преисполнен благодарности к чувству той, которую не знал, и которая любила меня на расстоянии и безответно. В конце письма стояла подпись: Марина. Я так и не вспомнил девушку с именем Марина среди ленинградских друзей. Правду говорят, что люди не замечают, когда их любят. Они замечают, когда их перестают любить. На письмо я не ответил, рассудив, что переписка всколыхнёт угасающие чувства Марины и даст напрасную надежду, хотя латиняне говорили: «Contra spem spero» *(Надеюсь вопреки надежде (лат)*, что часто происходит с нами, хотя этот путь и ведёт в тупик. Я этого для Марины не хотел…

Иван не раз пытался познакомить меня с подругами своих подруг. Я знакомился, но на этом наше общение и заканчивалось. Пример тому Вика, которая вполне могла обратить внимание на себя не только тем, что знала стихи опального Даниэля, но и вполне привлекательной внешностью. Я обидел её, когда, проводив до дома после вечеринки у Жорика по случаю ноябрьского праздника, Иван остался со своей девушкой, а я сухо попрощался с и ушёл. Я видел, как она недоумённо пожала плечами и поспешила скрыться в подъезде, не поняв, что не так, если между нами уже возникла некая симпатия и ощущение какой-то общности.

Иван вёл холостую и свободную жизнь, не обременяя себя условностями. Иногда он ходил на танцевальные вечера в клуб офицеров, а иногда в парк на «тырло», где у входа на деревянной обрешётке забора висела почти плакатная таблица: «Вход в джинсах на танцплощадку запрещён. Администрация». Меня туда Иван заманить не мог и после двух или трёх попыток звать перестал, только потом весело и в подробностях рассказывал о своих приключениях. Я до морали не опускался и снисходительно слушал, но меня тоже занимали эти истории, не эротической сутью, а галереей персонажей незнакомого мне быта, с которым я до этого не сталкивался, но которые относились к «культурным обстоятельствам», потому что в газетах с докладом товарища Брежнева на съезде говорилось: «Советский образ жизни – это социальные, экономические, бытовые и культурные обстоятельства, – характерные для основной массы советских граждан».

– Вань, – с улыбкой говорил я, – в двадцатых годах танцы считались мещанским занятием. Даже диспуты проводились на тему: «Может ли комсомолец ходить на танцы?»

– Нашёл, что вспомнить, – смеялся Иван. – Где ещё барушку закадрить, если не на танцах?

Рассказы Ивана не были скабрезны и отличались декамероновским простодушием. Как-то, когда мы шли с Иваном по улице, его окликнула черноокая красавица. Мы остановились.

– Ты, Вань, куда пропал? Чего на танцы не ходишь? – заговорила красавица, а глаза её перебегали с Ваньки на меня.

– Дела, Кармен. Некогда, – серьёзно ответил Иван.

– А это кто с тобой такой симпатичный? – спросила она игриво. – Познакомь.

– Володя, – представил меня Иван. – Только он не по этой части, у него жена есть.

– Да ладно, – засмеялась Кармен. – Жена – не стена, подвинется.

– Ну и наглая ты дама, Кармен! – со смехом сказал Иван.

– А куда вы идёте, мальчики? Можно я с вами? Вы мне оба так нравитесь.

– Не, Кармен. В следующий раз. Сейчас мы, правда, заняты, – Иван напустил на себя серьёзность и даже посмотрел на часы.

– Ну, тогда пока! – ничуть не расстроилась Кармен.

– Приходите на танцы.

И мы пошли дальше, оставив развязную красавицу Кармен.

– Что за девица? – спросил я Ивана.

– Да баруха с танцплощадки. Совершенно безотказная баба. Моральных принципов никаких. С ней кажется, весь Нефтегородок переспал.

– Ну, а тебе-то она на кой ляд?

– Да, господи, она сама как-то на танцах ко мне как репей прицепилась, я и пошёл её провожать. Свернули на пляж, и она дотерпела только до первой скамейки… Девка повёрнута на этом деле. Я вообще думаю, что больная.

– А деваха красивая. Всё при ней, – пожалел я Кармен. – А почему Кармен? Имя необычное у нас.

– Да какое имя? Кликуха. Там у них у всех кликухи. У неё подруга есть –Эллен, смазливая, с матовой кожей, дебелая и пышная не в меру. Хотя у мужиков тоже пользуется популярностью.

– И что, ты и с ней был?

– Да ну, я и с Кармен-то спьяну оскоромился. Да и на танцах, сам знаешь, я не завсегдатай.

– А говорят, у нас проституции нет, – засмеялся я.

– Конечно, нет, – сказал Иван. – Проституция – это когда услуга за деньги, а здесь так, из спортивного интереса. Ну, купят мужики вина; может быть, и подарят что по мелочи. Какая ж это проституция? Наша распущенность – это да, может быть. А, с другой стороны, чего тут лицемерить? В конце концов, все мы живые люди.

– Жениться тебе, Ванька, нужно, – серьёзно советовал я.

– И ты туда же, – добродушно возражал Иван. – Меня мать с отцом задолбали этой темой… А я погожу, молодой ишшо.

И он беспечно смеялся…

Новый год я встречал в компании Ивана. Родители уехали на пару дней куда-то за город к другу и однополчанину Сергея Николаевича, оставив квартиру, как выразился Иван, ему «на разграбление». Несмотря на свою замкнутость и склонность к уединению, в эту ночь, полную романтических ожиданий и надежд на лучшее в новом году, в праздник, который проводят если не в семье, то в весёлой компании, мне никак не хотелось оказаться одному. Тем более, в общежитии в обществе Серёги и Витька, начавших готовиться к Новому году с запаса водки, которой заполнили всю нижнюю полку тумбочки Серёги. Даже мои товарищи Степан, Антонио и Талик Алеханов пристроились встретить праздник где-то не в общежитии. Компания у Ивана собралась небольшая: Иван с Эммой, я, уже знакомая мне Вика, и Татьяна, невысокая, круглолицая, но очень симпатичная девушка с высокой причёской, которая ей шла и делала чуть выше. Затею Ивана с девушками я расценил по-своему. Помятуя о том, что я не очень сошёлся с Викой, на всякий случай он пригласил и Татьяну, а там, мол, как сложится. Ждали ещё каких-то друзей Ивана, но в десять часов их не было, и мы, подождав немного, сели за стол. Шампанское оставили на двенадцать часов, но дружно выпили водки, хотя на столе стояли вина: и сухое, и креплёное, и даже вишнёвый ликёр. Меня усадили между Викой и Татьяной. Я не возражал и как истинный джентльмен ухаживал за обеими. Ни в одиннадцать, ни в половине двенадцатого друзья Ивана не появились. Без пяти минут Иван открыл шампанское и мы разлили вино по бокалам. По телевизору вовсю шёл «Голубой огонёк», но в двенадцать пробили куранты, и мы под крики «Ура», свои и те, что доносились с нижних и верхних этажей, выпили шампанское. Через некоторое время выпивку повторили, но уже снова наливали в рюмки водку. Девушки пили тоже водку, и бутылки с вином и ликёром стояли на столе неоткрытыми. В разгар веселья раздался звонок, Иван пошёл к двери и вернулся с двумя приятелями, которых уже совершенно не ждали, да и думать о них забыли. Оба были навеселе.

– Мы забыли адрес, – возбуждённо, перебивая друг друга, стали рассказывать новые гости. – Думали, что не найдём.

Пробило двенадцать, весь дом ходуном ходил, как орали «Ура» во всех квартирах. Ну и мы сели во дворе под грибок и бухнули.

– А потом Кольку осенило, узнал и дом, и подъезд, а квартиру я сам помнил, – весело сказал другой, которого Иван назвал Константином.

И ребята достали из портфеля и выставили на стол три бутылки водки.

– Коль, вы что, офонарели? – испугался Иван. – Нам той, что есть, не выпить.

– Ничего, – успокоил Константин. – ночь длинная. И завтра ещё гулять.

– А где ваши дамы? – спросил Иван.

– Какие наши? Моя Верка – с родителями. Там брат с женой приехал, то да сё; а Костя со своей в пух и прах разругался, – сказал Николай и добавил: – Без них обойдёмся.

И пошла какая-то бестолковая и неуправляемая пьянка.

– Это что, ваше сибирское гостеприимство? – с усмешкой спросил я Ивана.

– А что? – легкомысленно отозвался хмельной Ванька. – Лучше больше, чем не хватит.

После этого я только подносил рюмку к губам и делал разве что глоток. Вика тоже почти не пила, только поднимала рюмку и ставила на стол, чуть пригубив. Зато Татьяна не пропускала ни одного тоста. Она раскраснелась, не к месту хохотала и говорила что-то бессвязное. Вскоре все перемешались. Николай с Константином оказались рядом с Викой и Татьяной, а я остался в стороне и как бы на задворках. Я замечал, что на меня время от времени поглядывает Вика, но как-то незаметно застолье вдруг опустело. Иван ушёл с Эммой в свою комнату, а Вику с Татьяной Николай и Константин увели на кухню. Мне Вика нравилась больше других девчонок, и я чувствовал ревность и даже злость от того, что она так легко, словно тёлка за хозяином, пошла уединяться с парнем, которого впервые видела. Но если рассуждать здраво, я не имел на неё никакого права, как не имел права и судить её, если сам отталкивал, демонстрируя своё безразличие. Я решил, что мне здесь делать больше нечего, налил в рюмку водки, выпил на посошок и вышел в прихожую. Я уже одевался, когда из кухни вышла Вика.

– Володь, ты куда? – спросила Вика.

– А что? – раздражённо ответил я.

– Подожди, я тоже пойду.

– А тебе-то чего уходить? – с иронией сказал я.

– А что я, как дура одна здесь буду сидеть...

– А как же Константин?

– А что Константин? –усмехнулась Вика.

– Это же он тебя куда-то на кухню увёл?

– Это я его увела и спать уложила. Они же с дружком своим вдрызг пьяные.

– А как же ты подругу оставила?

– А её тоже сморило в темноте. Я её хотела увести, а она бормочет несуразное и спать прикладывается. Ванька как знал, подушки и одеяла на кухне оставил… Так что, спят все как младенцы.

Вика оделась, и мы вышли на улицу. Было ещё темно. Зима выдалась снежная, в небе стояла ясная луна и освещала город бледным светом. Снежок искрился и скрипел под ногами. Морозный воздух бодрил, но выпитое давало себя знать, и я чувствовал лёгкое опьянение, которое приятно расслабляло, лишало трезвого рассудка и располагало к романтике. Наверно, то же самое чувствовала и Вика.

– Ты сейчас куда? – спросила Вика.

– Не знаю, – искренне ответил я. – Новый год какой-то скомканный получился.

Мне не хотелось оставаться одному, и я сказал:

– Давай погуляем.

– Может быть, пойдём ко мне? – огорошила меня Вика.

– А родители? – я немного растерялся.

– Мы вдвоём с мамой живём. А она Новый год встречает со своим другом. Она за него замуж собирается.

Я так долго был один, что чувства оказались сильнее разума, и я с головой броситься в омут соблазна. Искушение оказалось сильнее меня. Но, как говорится в одной из притч Соломона: голодной душе всё горькое сладко.

– Нужно было взять вина у Ивана. Они там всё равно водку будут пить, когда проснутся, – сказал я.

– У нас всё есть.

И Вика взяла меня под руку, как бы утверждая между нами новые отношения. А мне оставалось уповать на другую мудрость Соломона: «…да не увлечёт она тебя ресницами своими».

Ельник

Продолжение. Начало в №71

Денис ВОЛИН

7

Открыв глаза, Ельник обнаружил себя лежащим на деревянных нарах в ПВД. Тело немного ломило. Голова неприятно кружилась, но в целом своё состояние он оценил как удовлетворительное. «Кажется, живой. Уже хорошо», — отметил про себя Ельник, и тут же принялся себя ощупывать: руки на месте, пальцы все в наличии, ноги. Господи, пожалуйста, пусть ноги будут тоже на месте. Потрогал — и ноги целы. «Какое счастье, Боже, как же я тебе благодарен».

Где-то поблизости стоял галдёж.

— О, а вот и наш Ельник, — налепив щербатую улыбку на немытое лицо, подходя к нарам с кружкой чая, процедил Ярик. — Оклемался? А мы тут празднуем.

— Чё празднуете? — спросил Ельник, приподнимаясь на один локоть и беря кружку в руки.

— Как что? Отстояли «Вилы», очистили их от нечисти. Ты, братец, сражался с настоящими зомби!

— В смысле? — делая глоток, спросил Ельник.

Чай был прекрасным, с веточками хвои, душистый и бодрящий.

— А в прямом! — раздался чей-то голос из-за стола.

И тут Ельник заметил, что в ПВД находятся двое незнакомых ему людей.

Выглядели они странно. Вместо привычной военной формы на их плечи сверху были накинуты кожаные, байкерского фасона, куртки с высокими воротниками и чёрными шнурами на груди. Точно такими же, как на гусарских доломанах. На одном плече куртки имелись стилизованные эполеты. До полного образа не хватало разве что киверов с кокардами, кушака и чакчиров с саблями. Оба парня были не старше двадцати лет. Один с тоненькими гусарскими усиками и чубом, точно Денис Давыдов. Второй крупный, с короткой стрижкой и пробитыми чёрными заклёпками ушами. На рукавах их курток — чёрные шевроны с черепом и костями.

Тот, что с усиками, продолжил:

— Вы, парни, реально, я имею в виду, с зомбарями повстречались. Мы когда к вам приехали и подсобили вам немного, потом тела обшмонали, нашли у них кое-что.

Парень достал из кармана прозрачный зип-пакетик, в нём лежали две синие таблетки. Он потряс ими, как если бы у него в руках был колокольчик.

— Вот этой хернёй их то ли англичане, то ли американцы накачали. Какая-то, короче, военная разработка. Глотаешь такую таблетку, запиваешь стаканом горилки, — от них, кстати, перегаром за версту несёт, — и на пару суток превращаешься в зомби. Не чувствуешь ни боли, ни страха. Не хочется спать. Не хочется жрать. Идеальная машина для убийств. Я, конечно, не знаю, каким нужно быть упоротым, чтобы в себя это засовывать, но вот, как мы убедились, десятка три, по-видимому, отморозков они всё-таки нашли. Там солянка была — поляков много и латиносов. Но хохлы тоже, само собой.

— А я всё думал, — подключился Стим, отложив «ТТ» в сторону, — что с ними не так. Я ленту за лентой опустошаю. Ну всё, казалось бы, капец им. Падают, лежат какое-то время, а потом снова подниматься начинают и как ни в чём не бывало дальше прут.

— Во-во, — вновь подхватил гусарик. — Кто-то прёт пешком, кто-то ползёт без ног, плевать совсем. Пока сердце не остановится или голову не отстрелишь, будут функционировать. Говорю ж — зомби.

— А ты-то откуда знаешь это всё? — накинув футболку и сев за стол, поинтересовался Ельник.

— А мы уже слышали про таких. В телеграм-каналах военкоры писали, что на одном из направлений чуть раньше тоже заметили подобное явление. Ну и, соответственно, что таблетки им какие-то закидывают, как это называется на языке дорогой нашей дипломатии, неуважаемые партнёры из недружественных стран. Украина — это ж, сука, одно большое поле экспериментов для Запада, лаборатория. Таблетки сейчас спецам передадим, пусть изучают.

Парень поднёс пакетик к лицу, повращал немного, рассмотрев со всех сторон, и подмигнул остальным.

— Может, хлопнем по одной?

Остальные тут же замотали головами: нет уж, извольте, если хотите, сами, а мы — пас, хватит с нас зомби, насмотрелись.

— Да вы чего, я же прикалываюсь, — усмехнулся «гусар».

Ельник вдруг вспомнил, о чём ещё не спросил.

— А парни-то как? Труба, Танк?

— Всё нормально с ними, — ответил Ярик. — Танк так вообще с ума сошёл. В такой раж вошёл, что отодвинул Стима от пулемёта и сам начал шмалять, крича: «Я русский, это моя земля, идите на…». Короче, переродился через страх, так сказать. А Труба двести, да, тяжёлый, но живой. У него ножевое. Задело там что-то, но сказали, что жить будет. Увезли его уже парни из «ЧеКа» в госпиталь.

Ярик кивнул на гусарика.

— «ЧеКа»? — не понял Ельник.

— «ЧеКа», «Чёрная кавалерия», — улыбнулся гусарик. — Меня, кстати, Крас зовут. Ну, позывной в смысле. А это, — он указал на молчаливого товарища, — Макар.

Макар поднял глаза на Ельника и изобразил подобие улыбки. Макар явно не любил болтать.

Крас рассказал, что «Чёрную кавалерию» начали создавать в батальоне по инициативе Командира около месяца назад. Задумка состояла в том, чтобы собрать отряд отчаянных

ребят и посадить их на мотоциклы. Это давало мобильность, скорость, эффект неожиданности при штурме. Для обучения будущих бойцов «ЧеКа» пригласили инструктора-байкера из Москвы. Причём — девушку. По прозвищу Смерть. Её Крас охарактеризовал так: «Красива как Клеопатра, опасна как бритва, безбашенная — напрочь». Занятия проходили отдельно от остальных, поэтому большинство в батальоне о «ЧеКа» ничего толком и не слышали. Парней сначала учили держаться в седле, маневрировать, а потом — и атаковать. Командиром был назначен Доберман, — добродушный парень в общении со своими, но совершенно беспощадный к неприятелю в бою. Чувство страха, казалось, в нём просто отсутствовало. Говорят, что он был фанатом клуба из города на Ниве, выступал в боях без правил, умел входить в состояние берсерка, и тогда — лучше ему на пути не попадаться. За короткий срок на фронте он уже успел получить пару серьёзных орденов, заслужить которые без реальных героических подвигов было нереально. Что до Смерти, то она впоследствии так увлеклась, что и сама подписала контракт с батальоном и тоже начала выезжать на боевые задания.

— Уж не знаю, для скольких бойцов неприятеля последним, что они видели в жизни, была красная бандана на хрупком, бледном лице, длинная русая коса, скрученная в жгут, и ледяные, вселяющие ужас глаза Смерти, — сказал Крас.

В ту ночь, когда Ельник и товарищи удерживали «Вилы», «Чёрная кавалерия» была поднята по тревоге у стремилась на подмогу.

— Ты бы видел, какое шоу устроили эти ребята, — Стим подошёл к столу и взял лежавшую на нём пачку сигарет. — Я не знаю, что было страшнее: наседающий отряд зомбарей или гул моторов во тьме и образ несущихся на бешеной скорости всадников на железных конях с дикими воплями.

— Да, есть такое, — Крас тоже потянулся к пачке и извлёк оттуда сигарету, но курить не стал, просто поднёс её к носу и вдохнул запах табака. — На самом деле, это такой прикол. Мы как-то подумали, что если будем кричать, как индейцы, а не просто нестись на байках, эффект будет куда круче. Да и в конце концов это просто весело.

Ельник удивлённо посмотрел на Краса.

Парень выглядел совсем как ребёнок, но в его глазах медленно тлел тот самый огонёк. Такой же огонёк тлел во многих отъявленных авантюристах, которым обывательский образ жизни претил, был для них слишком пресным и обрыдлым. Они бросали всё и уходили состязаться с самими собой, берегли себя от мещанства и искали иные, противные всесущей нормальности, смыслы. Эти самородки в одиночку взбирались на горные пики, с ножами охотились на медведей, бороздили океаны, отыскивали себя на войнах в самых неожиданных концах света и чаще всего были на стороне слабых, униженных и оскорблённых. Тот же самый огонёк, был уверен Ельник, тлел в глазах простого парня из Ухты, мраморщика-гранитчика по специальности, который однажды сел на поезд и поехал на Донбасс, чтобы помогать русским, и чей позывной вскоре узнал весь мир. И как только его кто-то произносил вслух, все сразу понимали — речь идёт не о мобильном телефоне, — говорят о нём, том самом парне из Ухты, с тем самым огоньком в глазах, который сначала тлел, а потом, когда это стало нужно, вспыхнул необъятным пламенем.

Сколько их здесь сейчас, людей с огоньками в глазах. И сколько ещё будет. Сколько их, — молодых, красивых, бесстрашных и увлечённых, — заберёт сырая земля? Ельник смотрел на Краса, слушал, с каким жаром он описывал бой за «Вилы», смертельный алюр кавалерии на мотоциклах, сметающий и разносящий вихрем опьянённых ядовитым зельем вражеских солдат, — и неожиданно подумал о себе. А как же я? Почему я оказался здесь? А есть ли этот огонёк в моих глазах? И какой срок отведён мне самому до того, как сырая земля вберёт в себя мою плоть, мои кости, и выпустит чрез неведомые порталы к свету мою бренную, и, хочется думать, не очернённую к тому моменту злом душу? Пустое. Думать об это здесь, было пустым и ненужным. Он, Ельник, здесь, чтобы выполнять поставленные задачи. И ещё…

— Слушай, Ельник, — сбил его с мысли Крас. — А что ты всё бормотал в бреду, когда был в отключке, какие-то крамольные вещи. Мы с пацанами подумали, уж не засланный ли ты казачок.

Ельник напрягся. Брови как-то сами скучились к основанию носа.

— Да это его давнишняя тема, брат, — вступился Стим, — Он повторяет это с тех пор, как мы с ним в Донецк из Москвы ехали.

— Да что за тема-то? — не выдержал Ельник.

— Ну, это твоё: Россия будет свободна. Это же лозунг соевых либерах, ты разве не знал? — произнёс, как будто с неприязнью в голосе Макар, до того не проронивший ни слова.

И неприязнь эта, как показалось Ельнику, была обращена именно к нему.

— Ах, вот вы о чём, — почувствовав облегчение, сказал он. — Да тут всё как раз просто, парни. Россия будет свободна, в чём тут соевость и при чём тут оппозиция или что вы там ещё говорили? Мы тут как бы за тем и собрались, чтобы свободу своей родины отстоять.

Ельник поднялся из-за стола и потянулся.

— Вы посмотрите, что происходит, — закуривая очередную сигарету, продолжил он. — Чьим оружием воюет армия противника? Чьи инструктора обучают их солдат? Кто даёт им данные со спутников и по сути помогает убивать нас? Эти люди сидят в Брюсселе, Лондоне и Вашингтоне. И главные из них — именно в Вашингтоне. А у нас в стране до сих пор находятся те, кто продолжают ждать и надеяться, что, как в фильме, помните?.. или где это было? «Америка нам поможет». Всё нормализуется. Снова будем жрать бургеры из Макдака, и как будто ничего не произошло. И ладно бы какие-то мальчики-тинейджеры и девочки-подростки… Так нет же, настроения эти до сих пор сохраняются у части тех, кого у нас принято называть элитой. Их дети по-прежнему учатся за границей, их капиталы по-прежнему за бугром, они спят и видят, как и дальше будут колесить по миру на дорогих яхтах, жрать устриц в роскошных ресторанах и чуть-чуть, на полшишечки, приторговывать родиной.

— Кому война, кому, как говорится… — вставил свои пять копеек Ярик.

— Да и это тоже, братан. Просто задолбало это всё, лицемерие это достало. Хочется, знаешь, чтобы если уж ввязались в драку, не глядели потом заискивающе на тех, кто её начал или спровоцировал, и тренировал оппонента, как лучше и болезненней бить тебя по голове. Потому я и говорю, что Россия будет свободной только тогда, когда сама себе будет хозяином, и никому не будет давать повода пытаться навязать ей своих правила, условия и что бы там ни было ещё. Сила гарантирует свободу. Кто сильней, тот сможет защитить правду. А сила — в правде. Где правды больше, там и свобода. Я это так вижу. Не знаю, как ещё объяснить.

— Точно! Твори бардак, мы здесь проездом! — выпалил ни с того ни с сего Крас, давя кривую улыбку.

— Да и это тоже! — не оценил шутку Ельник. — Когда кругом столько беспринципных сволочей, всегда нужно быть немного отмороженным. Чтобы понимали, что с тобой лучше не связываться — себе дороже. Вот я о чём.

И тут Ельник поймал себя на мысли, что его начало заносить. Хотя опыт общения с контрактниками и мобилизованными, пусть и небольшой, но всё же имелся, подсказывал ему, что добровольцы — особая порода.

В батальоне, где служил Ельник, все парни были крайне мотивированы. Он повстречал тут немало людей, которые с лёгкостью и без запинки могли объяснить, почему они здесь, и среди причин никогда бы не оказались деньги, ордена, привилегии или что-нибудь из этой серии. Идеи, которые преследовали добровольцы фанатского батальона, порой были экстравагантными и экзотическими, иногда на грани фола, но во главе угла, краеугольным камнем всегда было Отечество и безграничная преданность ему.

Здесь то и дело можно было повстречать бойцов, которые, отдыхая после выхода, сидят и ожесточённо спорят о том, кто был важнее: Святослав, Владимир или Николай II? Какой тип устройства России ей более к лицу: монархия, социализм или ещё какой-нибудь «изм», да хотя бы даже и вечевой тип правления, как в древнем Новгороде. Здесь были язычники и православные. Одни крепили к броне обереги, другие носили в кармане иконки. На стенах располаг в полном взаимопонимании висели имперские флаги рядом с современным триколором, а также знамёна «Спартака», «Зенита», ЦСКА и других клубов. Место хватало всем. Особое место, особая порода, как говорил Командир: особая масть.

Словом, Ельник мог бы и дальше продолжать свой искромётный монолог, и остальные с удовольствием бы подискутировали на заданную тему, представляя свои мнения и споря, если б с чем-то были не согласны. Но патетичность, с которой Ельник произносил свои слова, в конце концов и самого его позабавила: «Вот же дурень! — отчитывал он себя. — Как батя перед телевизором разогнался, старею, что ли? Ну, точно, как нынче говорит молодёжь, — скуф».

С пацанами из «Чёрной кавалерии» распрощались тепло и по-братски. Пожелали друг другу фарта, надеясь, что ещё свидятся. И даст Бог, потом ещё и на большой земле, где-нибудь в пабе, в шумной атмосфере, с пинтами пенного, чтоб звонко, задорно, обнявшись, — отметят победу и вернутся к мирной жизни.

На следующий день Ельнику позвонила Лена. Она была в депрессии. Сказала, что отец её подруги попал в больницу с тяжёлым диагнозом и она ходила с ней его навестить. Лена сказала, что в приёмном отделении клиники увидела огромное количество солдат с ампутированными конечностями и ей стало страшно.

— Вас всех убьют или покалечат! — рыдала она в трубку.

Ельник пытался её успокоить, но Лену это ещё больше вгоняло в депрессию. Она снова, будто пытаясь сделать ему больно, повторила, что все в её окружении против войны, а Саша, — «снова это имя», отметил Ельник, — и вовсе написал антивоенную песню: «Там такие точные слова».

— Ты не приезжаешь. Я тебя уже так долго не видела. Я не знаю, смогу ли… — всхлипывала Лена.

Она тяжело дышала в трубку, он слышал, представлял, как она плачет. И не мог найти слов, чтобы её утешить. И ещё чувствовал, что в нём просыпается злость. Его начинало злить, что вокруг Лены скапливаются люди, которые, даже не пытаясь всерьёз разобраться в происходящем, поют бестолковые песни, делают ложные выводы, строят из себя пацифистов, вешая на себя при этом ленты с флагом страны-противника в нынешнем конфликте, что есть Саша, у которого «такие точные слова», и что Лена позволяет себе сомневаться в нём, Ельнике, и в том, что он и его товарищи не щадя себя бьются на светлой стороне истории, за свою страну, за правду, за оба народа сразу.

— Хорошо… пусть не убьют… а если ты калекой вернёшься? — сквозь слёзы продолжала давить на Ельника Лена. — Зачем тебе это всё? Почему не жить спокойно, дома, зачем лезть в чужую страну?

— Лена…

— Что Лена? Какого хрена вы там забыли, скажи?

Ельник твёрдо знал, зачем он здесь, но понимал и то, что в том состоянии, в котором сейчас находится его девушка, ей было бессмысленно это объяснять.

— Давай не будем о грустном, — сказал он. И собирался что-то сказать ещё. Но Лена бросила трубку.

Он попытался перезвонить, но она не ответила.

Ельник счёл, что ей просто нужно время, чтобы успокоиться. Видимо, там, на гражданке, принятие действительности идет куда тяжелее, чем у него, здесь. Что ж, наверное, это объяснимо.

Поэтому Ельник быстро написал эсэмэс, в котором сообщил Лене, что любит её, и убрал телефон.

8

В ноябре ранили Ярика. После Нового года осколочное получил Стим. Ярик крепкий. Про своё ранение сказал: «Да это херня какая-то, всё равно что кошка царапнула». И отказался от госпитализации. Стиму досталось сильнее. Всё тело его посекло, и на лице шрам теперь останется. Но Стим тоже держался молодцом. Говорил, чтобы никто не вздумал занять его койку в располаге, грозился, что иначе кому-то не поздоровится.

— Езжай уже, — махали ему вослед, когда Стима грузили в кузов автомобиля. — Поправляйся и не бзди. Подселим тебе пока Тишку.

Тишка была львицей. В смысле — натуральным хищником. Командир привёз ее из Мариуполя. Девочка жила в местном зоопарке. А потом — осталась на улице. Бродила несчастная и голодная, совсем ещё котёнок. Командир её и подобрал. Теперь она обживалась в располаге, сытно питалась, много играла, и всех пацанов безмерно любила. А вскоре, когда город окончательно был взят и начал восстанавливаться, Тишка вернулась домой. Новую располагу Командир поручил обустроить как раз в Мариуполе. Заодно, в качестве трофея, добровольцы обзавелись там и личным стадионом, считавшимся до этого базой местного гарнизона противника, тоже во многом состоявшего из футбольных ультрас.

Как-то по весне перед заходом на очередное направление, выбранное высоким командованием для батальона, где служил Ельник, Командир собрал всех на этом стадионе, чтобы вручить награды отличившимся и выдать фирменные кортики с символикой подразделения. Это были мгновения, вернувшие Ельника обратно в его фанатскую молодость.

На стадионе царила братская атмосфера, бойцы радовались, как дети, жгли файеры, скандировали кричалки, стреляли в воздух из пистолетов и автоматов, — выглядев при этом, как настоящие пираты, устроившие пир на своей потрёпанной, избороздившей моря вдоль и поперёк шхуне. А в завершение вечера перед батальоном выступили хорошо известные в околофутбольных кругах музыканты. Они пели грустные и весёлые песни. Многие из них батальон поддерживал хоровым пением.

Одна из песен была для тех, кто приехал на Донбасс из провинциальных городков необъятной России. Её сложно бы было понять жителю столицы, тем более — невозможно до конца прочувствовать. Ельнику она нравилась, нравился её неспешный ритм, её первый куплет, который исполнитель пел хриплым, пацанским, каким-то до боли родным и известным с детства голосом, а от второго куплета, который читал второй музыкант, — пробирала дрожь. У тех пацанов, которые съехались сюда из Брянска, Орла, Твери, Омска, Майкопа и Пензы и вовсе захватывало дыхание. Ельник смотрел на них, покрытых чёрным крылом тени, слушал, как они подпевают своими дрожащими голосами, кричат навзрыд или робко молчат, стоя с увлажнившимися зрачками, вспоминают своё детство, свои наивные юношеские мечты, своих смазливых девчонок и пожилых родителей, и совершенно — не сегодня, только не сегодня — не думают о войне. Сегодня они вместе с музыкантами спрашивают у вселенной, глядящей на них своим рыжим, морщинистым глазом: как дела в нашем маленьком городе? И тут же отвечают, давно зная этот ответ: «Лучше всех, ждём успех, не страшна беда».

Потом Ельник сидел у костра, смотрел, как из центра его взмывают огненные сверчки в ночное донбасское небо. Ветки валежника, объятые пламенем, приятно потрескивали. Бронзовые блики прыгали по исковерканному корпусу трофейной бронемашины НАТО, установленной на стадионе — чтоб никто здесь не забывал, с кем в действительности идёт война, и кто, всё время до недавних пор стараясь оставаться в тени, поджог ту роковую спичку, что породила пламя, от которого воспылал сначала Донбасс, а затем и вся Украина. Кто продолжал, с годами всё больше заступая из тени, играть роль безумного кочегара, подкидывающего в топку всё новые и новые порции горючего: укладывая уголь ровной скатертью на колосник, бережно заботясь о том, чтоб в углах лежали крупные куски.

Вдалеке звенела музыка. А у Ельника в кармане — завибрировал телефон. Он взглянул на экран и улыбнулся.

— Котёнок! — радостно закричал Ельник в трубку.

Но разговор, который ждал его, не предвещал ничего хорошего.

— Мне надо тебе кое-что сказать…

Ельник не узнавал голос Лены. Даже в самые трудные времена, после обид и ссор, он не был таким незнакомым, таким далёким, таким чужим.

Те короткие секунды, пока Лена говорила, Ельника охватывала дрожь. Его тошнило. Он чувствовал, как горло начинает пересыхать. Ему не хватало воздуха. Весь мир будто исчезал перед глазами — как в приложении для редактирования фото на телефоне, которое позволяет убирать из кадра всё ненужное. Один мазок — нет больше людей на заднем фоне. Второй — нет сцены. Третий — нет стадиона. Четвёртый — нет костра. Ещё одно касание на сенсорной панели — и вся фотография вдруг стала чёрно-белой. Кругом нет ничего и никого. Ельник остался один, как чёрное пятно на белом листе бумаги. Как та клякса на фасаде посольства США в девяносто девятом. 1999-м. Как сбитый «мавик», оказавшийся посреди утреннего, безмятежного Днепра.

Раз, два, три… и утонул.

Лена не стала прощаться или извиняться. Сказав то, что сочла нужным сказать, она просто отключилась. Ельник попытался перезвонить, но абонент оказался вне зоны действия. Попробовал написать в мессенджер, но Лена его заблокировала.

Ельник вскочил и, не обращая внимания на товарищей, пытавшихся выяснить, в чём дело, помчался прочь со стадиона. Дежурные, охранявшие выход, молча открыли ворота. Ельник вбежал в посадку рядом со стадионом, пробежал ещё неизвестно сколько метров и минут, а потом, остановившись, принялся нескончаемо кричать.

Он ревел как раненый волк, словно хотел, чтобы всё, что скопилось у него в душе, выплеснулось наружу неудержимым потоком. Вся эта боль, усталость, отвратительные слова, которые говорила Лена в трубку, вся жизнь его чтобы выбросилась из его рта, как сгусток чёрных, грязных волос, что часто показывают в фильмах ужасов, и больше никогда к нему не возвращалось.

Ельник кричал, а по щекам его, сухим, обветренным донбасскими ветрами, ручьями лились слёзы. Ельник уже много лет, с самого нежного возраста, не помнил, что такое плакать. Даже в уличных драках, когда его били ногами, прикладывались арматурой, рвали на его голове волосы, когда менты отбивали ему почки в кабинете, распластав на паркетном полу, раздавливали каблуками его пах, — он терпел. Ни одной слезинки не источали очи его. Никто из его надуманных и взаправдашних врагов не видел его слёз. И вот сейчас он обнажился перед мариупольским лесом, который навсегда сохранит его тайну, его настоящего, со всеми его слабостями, свойственными всякому человеку, и несчастному, как оставленная всеми и каждым донецкая сирота.

Ярик и Стим, давно уже поправившийся и успевший съездить домой на побывку, нашли Ельника возле котельной рядом со стадионом. Расхристанный и глубоко подавленный он сидел на земле, опершись на кирпичную стену с нанесённым на неё изображением первого погибшего бойца их батальона.

Ельник курил. А точнее слабо сжимал между пальцами едва тронутую папиросу, почти целиком истлевшую так, что пепел миниатюрным хоботком свисал и вот-вот должен был осыпаться. Услышав шаги, он поднял опечаленные, красные глаза на своих товарищей, и те всё поняли без слов.

Они сели рядом с ним и тоже закурили.

Ярик пристроил ему на плече свою крепкую руку, а Стим сказал:

— Крепись, братан.

Ельник молчал. Бури в груди уже успели отбушевать. Внутри было пусто, как в заколоченном досками, покосившимся доме опустевшей деревни средней полосы России.

Стим передал ему бутылку с водой.

— Попей.

Ельник взял воду и стал пить. Кадык то и дело прыгал, пока влага в бутылке не иссякла. А потом он всё рассказал своим лепшим, самым драгоценным друзьям на всём белом свете.

Сначала говорил спокойно:

— Сказала, ждать не будет. Мало ли, сказала, погибнешь. Дети… А вдруг дети… А с кем дети… а как же они, дети. Да при чём тут дети, Стим, а? Сколько детей растут так…

Ельник стих, силясь подобрать верное слово, но так и не найдя подходящего, продолжил.

Он вопрошал, почему он вообще и непременно должен умереть, погибнуть, остаться в этой сырой, проклятой, изгрызенной червями земле? Он ведь не собирался туда, в эту землю. Он точно собирался вернуться. Закончить тут со всем, и вернуться к ней, к детям, если возникнут. А она… Почему она такое говорит. Почему такой стала. Он её не узнавал. Голос был её, а слова — страшные, невыносимые, неправильные слова. Что с ней случилось? Почему она его предала? Как она могла? Его милая, нежная, любимая девочка. Она же обещала, что будет ждать. Он же твёрдо дал понять, что вернётся.

— Как же хочется умереть, пацаны, — внезапно поднялся на ноги Ельник.

Схватил Ярика и оттолкнул его. Потом крикнул на Стима:

— Уходи! Оба валите отсюда, парни! Давайте! Хоть бы дрон… прямо сюда. Вот телефон. Пеленгуй, сука, я тут. Мне всё равно. Убей меня. Я не хочу больше. Я пропал. Мне уже всё неважно!

Парни подошли к Ельнику и, несмотря на его сопротивление, обняли его.

— Да уж, братец. Я тебе искренне сочувствую, — с теплом говорил Стим.

Стим, с его есенинскими синими глазами и тёмными, как ночь, волосами, всегда был чутким и добрым парнем, готовым внимательно выслушать и подставить плечо.

— Не надо расклеиваться, дружище. Ну, такая вот жизнь.

Что тут ещё было сказать, какие слова найти. Разве что обнять, помолчать вместе, рядом быть.

Но тут внезапно заговорил Ярик. Он был хоть и крепкий парень, в бою храбрый и смекалистый, и при том не в меру тактичный и сообразительный в быту.

— Слушай, брат, я может, сейчас немного не в тему… Понимаю, ситуация, прямо скажем, отстой. Но я вот, знаешь, тоже на бабах этих погорел.

Ярик полез в карман и извлёк телефон.

— Я тут, пока вы тушёнку жрёте по вечерам, в приложении для знакомств аккаунт завёл.

— Я-я-рик, — протянул Стим, корча свою красивую рожу. Мол, ну сейчас вот совсем не до тебя с твоими историями.

— Нет, ну а что Ярик-то? Я серьёзно говорю, между прочим. Я вам что, терминатор какой-то? Универсальный солдат Ярослав Крючков?!

Ярик и правда был Крючковым.

— Так вот… Говорю ж, завел аккаунт. Начал знакомиться с девчонками. Трали-вали, тоси-боси. И вот одна мне приглянулась. Начали с ней переписываться. Там девчуля, скажу я вам, пацаны, откровенно, — высший класс. Премьер-лига. Губки такие, что зацеловать сразу хочется, сисечки твёрдая тройка, глазища, что утонул бы прям сразу. Короче, месяца четыре мы с ней под таким напряжением, что чуть ли не этим самым уже занимались, прямо в переписке. Но что меня подмораживало немного: я ей созвониться по видео — она ни в какую. Я ей — скинь фотку интересную, ну, сами понимаете, о чём я, она — потом, потом. Всё у неё, понимаете, потом.

Ярик так взволнованно рассказывал свою историю, что Ельник вроде бы даже успокоился и с интересом принялся его слушать.

Тот продолжал:

— Ну и что? Я думаю, как её расшевелить-то. У самого-то уже зудит давно. Пишу, значит, ей: давай, мол, встретимся. Мы тогда как раз из-под Угледара вышли, и я вроде как со взводным договорился, что на пару дней он меня отпустит. Сказал, мол, гуманитарку как раз заберёшь из Питера. А она мне как раз говорила, что сама она питерская фифа. И тут, представляешь, я уже все бумаги оформил, пишу ей — завтра выезжаю, либо встречаемся — либо расход. Сколько можно-то вола это самое… И тут она мне сама звонит!

Ярик снимает блокировку с экрана, тыкает в него пальцами, листает фотоальбом, потом прикрывает экран рукой, берёт паузу и выдает:

— Короче, пацаны, фифа моя питерская, Ангелиночка ненаглядная, оказалась Тамарой Павловной из посёлка Чернушка, сука, в Пермском крае! Каким-то, сука, образом эта семидесятилетняя старушенция, — то ли у внучки как-то выпросила, то ли сама как-то, — ворвалась в приложение для знакомств и стала охмурять молодняк. Как она на меня вышла, ума не приложу. Я, после того как она мне, так сказать, открылась, руки с мылом мыл весь день, чтоб пальцы свои от этой дичи отмыть. Ну, ты прикинь, Ельник? Бабка-извращенка! Ты бы видел, какие она мне там вещи написывала. Старушка, кажется, насмотрелась молодёжного кино или я даже боюсь представить, чего ещё. Полная жопа!

К тому моменту, как Ярик заканчивал свою историю, Стим уже надрывал живот от смеха. Ельник, несмотря на внутренний надлом, сам не смог сдержаться и тоже оскалил зубы в широченной улыбке.

— Чё ты ржёшь, придурок! — возмущённо кричал Ярик, выпучив глаза на Стима. — Я бы на тебя посмотрел, окажись ты на моём месте! Нет, ну надо такое придумать! Бабка!

— Братан, — подавляя лошадиный смех, сказал Стим, — Я вот боюсь представить, что ты там ей писал!

— Ага, посмейся мне ещё, зубоскал! Ничего я там не писал!

Ельник, кажется, начавший приходить в себя, резко дёрнул руку Ярика и забрал у него телефон.

— А ну, давай посмотрим!

— Слышь, отдай! — рыкнул Ярик.

— Да не боись, мы только полистаем!

Ельник, схватив телефон, ринулся прочь. Стим бросился за ним.

— Ну вы придурки! — ругался Ярик.

— О, да ты ловелас, братец, — наконец-то рассмеялся и Ельник, вглядываясь в экран телефона.— Смотри, Стим: «Кошечка моя сладенькая», «Знаешь, чего я больше всего хочу сейчас: отшлёпать тебя по твоей упругой попочке».

Стим просто орал:

— А-а-а-а!

А потом, взял из рук Ельника телефон, нажал на экран и поднял трубку вверх, показывая Ярику:

— Братан, ты просто отморозок! Ты зачем ей-то фотографии своего голого торса слал? Совсем старушку не жалеешь!

— Пошёл ты, идиот! Откуда я знал? Говорю ж, не знал ничего! Давай, хорош, возвращайте телефон. Поржали и хватит. Я думал, вы меня поддержите! Тоже мне, друзья, называется!

Ельник смотрел на заливающегося смехом Стима. Смотрел на злющего, красного, как рябина на морозе Ярика, который быстро остыл и тоже расхохотался, — и почувствовал, что силы к нему постепенно возвращаются. Как бы ни было всё в его жизни скверно и отвратительно, рядом с ним есть друзья. Два этих весёлых, полных жизни, бесстрашных парня. Готовых кинуться в штурм, принять любой сложности бой, забраться в тыл к противнику, а ещё — чисто по-человечески, по-братски даже, поддержать, когда тебе совсем вилы. Когда кажется, что утро уже никогда не наступит, и всё кругом — ни для чего больше не нужно.

Ельник подошёл к парням, положил руки им на плечи, а потом ударился с ними лбами:

— Парни, спасибо Богу, что я вас повстречал. Я вас так люблю!

И они, обнявшись, зашагали вместе в сторону стадиона, затянув старую добрую казачью песню о том, как настанет весна, как вино польётся по рюмочкам, и как нежно забьётся девичье сердце.

— Не для меня! — кричали они, распахивая свои мощные добровольческие глотки.

Геннадий МАЙОРОВ

Забытая память

После смерти Сталина совершенно неожиданно для запуганного народа подоспела «хрущёвская оттепель», правда, продлившаяся недолго. Многое теперь, после долгих трагичных лет диктатуры, было позволено. Открывалась для простых наивных граждан тщательно скрываемая десятилетиями неприглядная правда. И люди жадно впитывали любое совестливое слово, боготворили тех, кто откровенно, без прикрас, рассказывал о нашей истории.

Как-то на одном всесоюзном совещании в ЦК комсомола выступал популярный в те годы писатель Сергей Сергеевич Смирнов. Его «Рассказы о героизме» по радио заставляли всю страну, затаив дыхание, прилипать к радиоприёмникам. О таком раньше и подумать было страшно. Писатель настойчиво собирал сведения о неизвестных и забытых подвигах наших солдат. Именно он воскресил имена героических защитников Брестской крепости, о которых предпочитали не вспоминать. Особенно смело звучали откровения писателя о необоснованных преследованиях людей, не по своей воле попавших в плен. Он убеждал, что нельзя замалчивать также героические подвиги воинов, родственники которых оказались в оккупации. Сколько новых имён патриотов реанимировали из небытия!

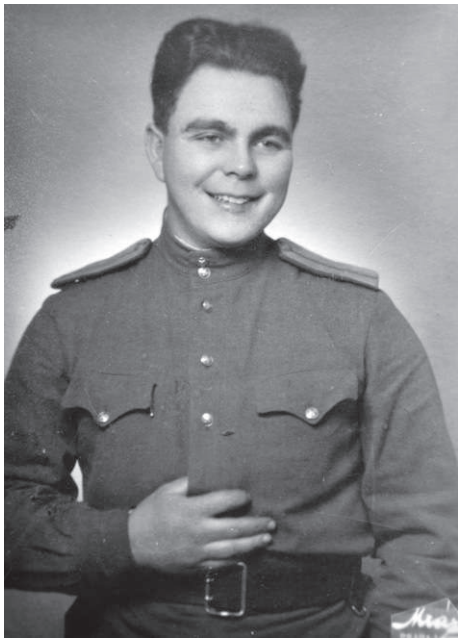
Неожиданно, прервав своё выступление, Смирнов обратился в зал:

– Есть среди вас кто-то из Орла?

После небольшой паузы директор станции юных туристов Зелик Бонкс поднял руку.

– Подойдите потом ко мне, – сказал Сергей Сергеевич.

Теряясь в догадках, Бонкс дождался-таки окончания выступлений. Хотелось узнать, зачем он понадобился… Но беспокойство оказалось напрасным. Писатель одарил нового знакомого искренней улыбкой.



З.А. Бонкс

– Я только что вернулся из Франции, где встречался с участниками французского Сопротивления. И в разговоре с известным писателем Луи Арагоном тот попросил меня найти в Орле учительницу, то ли Гуськову, то ли Гусеву, с которой была знакома его жена. Вроде бы вместе они находились в концлагере и были активными членами подпольной антифашистской организации. Надо бы помочь нашим французским друзьям.

Бонкс согласно закивал головой и неожиданно произнёс:

– Конечно, постараюсь помочь, я ведь сам пробыл в плену четыре года, участвовал в словацком восстании, что и спасло… от послевоенных неприятностей.

– Тем более, вам не надо объяснять, как важно восстановить ещё одно незаслуженно забытое имени настоящей патриотки…

Вернувшись в Орёл, директор станции юных туристов зашёл к своему непосредственному начальнику, инструктору отдела кадров облоно Глаголеву, доложить о просьбе Смирнова.

– А чего тут искать, – неохотно вымолвил Валентин. – Знаю, о ком речь. Это Гусева Нина Савельевна, учительница русского языка Мансуровской средней школы Новодеревеньковского района.

И всё. Дальше чиновник не пожелал продолжать разговор на эту тему.

Делать нечего. Утром на поезде Бонкс поехал до станции Верховье, а потом на перекладных – до школы. Это сто вёрст. Путь неблизкий, по плохим разухабистым дорогам. К обеду добрался до бывшего родового имения Свербеевых, что в селе Михайловском. Зелик Аронович знал – село основал Николай Яковлевич Свербеев, который отличился в русско-турецких войнах, был назначен первым управляющим отвоёванного у турок Крыма и получил от Екатерины II драгоценный перстень. Но о нём большевики предпочитали не вспоминать: как же, он организовал масонскую ложу в Орле, стало быть, чуждый элемент. Его заслуги старались игнорировать. Но, как говорится, из песни слов не выбросишь: именно в Михайловском при Дмитрии Николаевиче успешно действовали конный, сахарный и спиртовой заводы, была построена церковь Михаила Архангела. После его смерти имение перешло к сыну Дмитрию, который оставил о себе добрую память как основатель знаменитого литературного салона в Москве в середине девятнадцатого века.

Прибыв на место, Бонкс с трудом пробрался к зданию школы. После дождя раскисший чернозём затруднял движение, к тому же бывший фронтовик отправился в командировку в лёгких туфельках. Как-никак ехал на официальную встречу, облачившись в парадные одежды, не хотелось ударить в грязь лицом.

С горечью оглядывал окрестности. Ничего не осталось от дворянского великолепия. Облезлые стены, местами сгорбленная крыша. Рассохшиеся скрипучие полы.

Директор школы Баранова встретила без особого энтузиазма, нелюбезно.

– Зачем она тебе нужна? Ну была где-то у немцев… Недавно окончила заочно филфак пединститута… У нашего зоотехника умерла жена, остались две девки. Вот она с ним и сошлась…

Настроение сжалось в комок. Хоть и «оттепель» на дворе, но далеко не все поддерживают точку зрения писателя Смир-

нова, что нельзя всех безосновательно мазать чёрной краской. Крепко въелась в сознание насильственная мысль о «врагах народа». До сих пор, даже по прошествии пятнадцати победных лет, многие живут не по совести, а по указке свыше. Бедный народ, разучившийся мыслить свободно. Принимающий за чистую монету всё, что навязывают сверху бывшие и нынешние идеологи.

Наконец прозвучал звонок на перемену. Нина Савельевна – строгая, в простеньком платьице, с медальоном на груди, с красиво уложенной на голове косой, ответила с достоинством:

– Да, я была в Равенсбрюке, были там и французы. Но всё было так, как здесь представляют… Мне добавить нечего.

И, попрощавшись кивком головы, пошла на урок.

Всю обратную дорогу Бонкс размышлял о поведении Гусевой. Вроде бы, испуганной не выглядит, старается выглядеть уверенной. Но, безусловно, косые взгляды и ехидный шепоток за спиной не добавляют красивой, не сломленной неволей женщине радостных эмоций. Будет что доложить Сергею Сергеевичу.

Вечером уставший он вошёл в свою квартиру, и дочь огорошила с порога:

– Тебя разыскивает Афанасьев из обкома партии. Что за переполох ты устроил?

Надо было срочно позвонить Смирнову. Но его дома не оказалось. Жена, узнав о цели звонка, успокоила: «Как только он придёт, обязательно передам ваш телефон».

Н.С. Гусева

Прошёл час, другой. Приближалась полночь. Но Бонкс не ложился. Бродил по комнате чересчур взволнованный, в неведении, как развернутся последующие события.

Наконец затрещал телефон, с междугородной настойчивостью. Казалось, и рассказать-то писателю нечего, подробностей не густо, но разговор продлился более получаса, Смирнов умел задавать наводящие вопросы. Уже в первом часу ночи Бонкс лёг спать. А утром ни свет ни заря его затребовали в белый дом. Секретарь обкома партии Афанасьев негодовал:

– Как это ты такие важные вопросы решаешь сам, без нашего ведома? И нечего кивать на Смирнова, есть определённый порядок, который никому нарушать не позволительно…

Выслушав отчёт о встрече с Гусевой, секретарь обкома недовольно махнул рукой: свободен.

Бонкс даже не успел огорчиться, как секретарь обкома комсомола Лида Тюрина сообщила, что завтра приезжает Сергей Смирнов и она его поедет встречать на вокзал: «А вам велено сидеть на рабочем месте и не отходить от телефона». Час от часу не легче!

В кабинете первого секретаря обкома Игнатова подобострастно, излишне суетливо встречали писателя, к которому с личной просьбой обращался сам лидер страны Хрущёв. Он готовился к визиту во Францию и хотел приехать не с пустыми руками.

На этот раз Бонкса не ругали за самодеятельность, наоборот похвалили за инициативу, тем более Смирнов подтвердил, что Зелик Аронович выполнял его поручение. Договорились, что Сергей Сергеевич на следующий день посетит туристскую станцию, где уже накапливались материалы о лётчиках знаменитой французской эскадрильи «Нормандия», воевавших на орловской земле.

Осмотрев экспозиции музея, Смирнов уже за столом внимательно посмотрел в глаза взволнованному Бонксу:

– Вы знаете, вчерашний разговор с Гусевой дался мне нелегко, она всё ещё не может забыть то недоверие, что преследовало её после освобождения из плена. И ведь никто у вас толком не знает, какую героическую роль она играла в подполье. А сама Нина Савельевна, как человек гордый, с характером, не особо откровенничала. Я ей рассказал о встрече с Луи Арагоном и его женой Эльзой Триоле. Они написали сборник рассказов «За порчу сукна – штраф двести франков», за что получили Гонкуровскую премию. А Нина Гусева стала прообразом героини французского Сопротивления… Сейчас готовится визит Хрущёва во Францию, Гусеву включили в состав делегации. Никита Сергеевич намерен представить её генералу де Голлю. И скажу по секрету, власти её намерены перевести из глубинки в областной центр, предложат возглавить областной отдел народного образования. Вот как всё повернулось…

***

Нина родилась на Смоленщине в деревне Стаи на берегу речки Черница, в десяти километрах от Рудни. В семнадцать лет окончила педучилище, работала в Ольшанской средней школе. Вскоре вышла замуж, в семье родился мальчик Виктор. Однако недолгим было их счастье. Муж – директор школы Пётр Захарович – с приходом немцев возглавил подпольную работу. Но вскоре патриотов разоблачили и расстреляли. А тут ещё одна беда – заболел и умер дорогой сыночек. Казалось, жизнь рухнула. Но надо было знать железный характер молодой учительницы. Она продолжила дело погибшего мужа, получала задания от комиссара отряда 17-й партизанской бригады Прудникова, снабжала народных мстителей важными сведениями.

Но абвер работал умело: летом 1943 года по доносу предателя арестовали шестерых подпольщиков, в том числе и Нину. Потянулась страшная дорога к концлагерю Освенцим. Она стала узницей под номером 40156.

Хорошо запомнила, как летом сорок четвёртого прибыл транспорт с нашими военнопленными. Солдаты, увидев букву Р на женских робах, улыбались, приветливо размахивали руками. И попросили спеть любимую «Катюшу». Девчонки не могли отказать в просьбе, запели. И только потом осознали, что ребят ведут в крематорий.

Спустя какое-то время Нина с подругой Надей Котенко устроились уборщицей в детский барак. И ужаснулись при виде малышей, у которых постоянно брали кровь для гитлеровских солдат и которые были обречены на медленную смерть. В бараке был жуткий холод. И девушки тайком стали похищать на складе уголь и топить печь, чтобы хоть как-то облегчить страдания юных узников. На утренней поверке надзирательница обнаружила неостывшую за ночь печь и жестоко избила русских сердобольных девушек.

К русским вообще относились как к людям второго сорта. Обращение к другим иностранкам было помягче. Они получали посылки через Красный крест и наиболее милосердные делились продуктами с детьми.

«18 января 1945 года, – вспоминала Нина Савельевна, – нас построили в колонну и погнали на Запад. Заснеженная дорога до Равенсбрюка была усеяна трупами. В самом лагере не оказалось места. Три дня нас продержали на морозе под открытым небом. И снова в путь… В концлагерь Мальхов (филиал Равенсбрюка) около семидесяти двух километров на северо-запад…»

Её освободили 25 апреля 1945 года. После возвращения на родину Нина Савельевна в августе сорок пятого не смогла жить на родине из-за скорбных воспоминаний, переехала на Орловщину, вышла замуж, воспитывала детей мужа, а потом и внуков. Умерла 7 февраля 1982 года в возрасте 64 лет…

***

Тридцатилетний Луи Арагон женился на французской писательнице и переводчице русского происхождения Эльзе Триоле, сестре скандально известной Лилии Брик, 27 февраля 1928 года. Незадолго до этого он с партнёрами основал движение сюрреалистов и вступил во французскую компартию. Через два года в Москве застрелился поэт Владимир Маяковский, один из мужей рыжеволосой бестии Лилии Брик, на которого в своё время претендовала и её сестра Эльза.

Прошло время, и Эльза добилась в жизни гораздо большего, чем сестра. Достаточно сказать, что она получила престижную Гонкуровскую премию – высшую литературную награду Франции. Случай был беспрецедентным: впервые столь высокой награды была удостоена писательница, для которой французский язык не был родным.

А за свою деятельность в годы войны Эльза Триоле была награждена медалью Сопротивления – государственной наградой Франции, учреждённой генералом де Голлем для вручения тем, кто внёс вклад в борьбу французского народа против врага.

Сама Эльза не была знакома с Ниной Гусевой, но знала о ней из рассказов своих соотечественниц. В Равенсбрюке в годы войны содержались многие участницы французского Сопротивления, в том числе француженки из движения маки. Среди них была и Мари Клод Вайян-Кутюрье – деятельница демократического женского движения, арестованная вишистской полицией. Чешки Марта Диамант и Власта Верова, полька Ванда Якубовская и француженка Мари Клод вместе с Гусевой входили в штаб подпольного движения.

Впоследствии член ЦК Французской компартии, известная общественная деятельница Мари Клод Вайян Кутюрье писала: «Я помню руку дружбы, которую протянула мне в тяжёлую годину каторги русская девушка Нина Гусева, боевой участник нашей лагерной подпольной организации. Я не забуду руки этой девушки, как не забуду лица первого русского солдата – моего освободителя». Именно Мари много и образно рассказывала Эльзе Триоле о замечательной русской девушке Нине. Эта история вдохновила жену Арагона, и при случае она упросила супруга узнать о судьбе отважной подпольщицы. Луи Арагон в то время пользовался большой популярностью в СССР, стал лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Писатель передал просьбу Смирнову, тот Бонксу… Можно сказать, Нине Савельевне повезло, что её персона заинтересовала таких известных людей. И жизнь учительницы, хоть и запоздало, но круто изменилась.

***

Зелик Аронович, уже будучи директором Орловского культпросветучилища, заслуженным работником культуры России, после совещания в обкоме партии подошёл к тихой седовласой женщине. Нина Савельевна долго приглядывалась к невысокому полноватому мужчине, а когда узнала, едва улыбнулась:

– Читала ваши воспоминания. Не знала, что мы товарищи по несчастью. А вы не утратили бодрости духа, продолжаете работу по патриотическому воспитанию молодёжи. Это отрадно…

– Нина Савельевна, я знаю, что вы не любите вспоминать своё прошлое. И всё же хотел бы узнать о вашем визите в Париж в составе делегации Хрущёва. Вам довелось там встретиться со своими французскими соратниками по борьбе?

– К сожалению, нас во всём ограничивали, существовал жёсткий протокол. С Мари Клод Вайян, о которой храню самые тёплые воспоминания, не виделась. Конечно, хотелось бы пообщаться, но, увы… Я знала только то, что до войны она участвовала в создании Союза девочек во Франции, а в оккупацию активно занималась подпольной издательской работой. Уже после войны я узнала, что Мари давала показания на Нюрнбергском процессе: о газовых камерах, медицинских опытах над заключёнными… Она, видимо, и сегодня остаётся очень активной, деятельной. Недаром, избиралась в Национальное собрание Франции, была его вице-президентом.

– А книгу Эльзы Триоле, где одна из героинь списана с вас, читали?

– Нет. Она же, видимо, на французском…

– И о фильме Ванды Якубовской «Встреча в темноте», с которой вы познакомились в концлагере, не слыхали? Говорят, ваш образ стал прототипом для одной из ключевых героинь картины?

– Не будем об этом, – голос Нины Савельевны дрогнул, – не хочется возвращаться в те страшные годы. Вам ли об этом не знать…

Это была их последняя встреча. Несколько последующих лет, особенно после кончины отважной подпольщицы, Бонкс пытался убедить городские власти, что необходимо одной из улиц присвоить имя Нины Гусевой. Но, видимо, чиновникам недосуг думать о памяти народной. Их устраивают такие безликие названия, как улицы: Гаражная, Ватная, Грузовая, Контактная, Межквартальная, Новая… Или переулки: Багажный, Балочный, Глинистый, Гористый, Индустриальный, Деревообделочный, Лесопильный, Боковой, Проходной, Товарный, Тупиковый…

«Иваны, не помнящие родства» преспокойно роятся в начальственных кабинетах. А истинные герои, которые должны служить примером для подрастающего поколения, потихоньку уходят в мир иной. И только на могильных плитах означены их имена. Да и то не всегда.

Вот и о Зелике Ароновиче Бонксе, достойно прожившем почти сто лет, скоро, боюсь, забудут в благословенном граде Орле. Группа энтузиастов пыталась присвоить его имя училищу (теперь Орловский областной колледж культуры и искусств), которое он построил, можно сказать, своими руками и нервами. Но запал энтузиастов вскоре иссяк. А новым руководителям не до того, чтобы стать продолжателями славных дел предшественников. И об этом больно писать…

Бюст полярному исследователю

12 ноября 2026 года в Орле у мемориального дома семьи Русановых открыли бюст геолога и полярного исследователя В.А. Русанова. Церемония на территории Дома-музея В.А. Русанова завершила юбилейную программу, посвящённую 150-летию учёного, и прошла в преддверии 151-й годовщины со дня его рождения.

Инициаторами создания и установки бюста выступили Орловское отделение Российского исторического общества и Орловский краеведческий музей. В работе над проектом участвовали председатель отделения П.А. Меркулов, члены совета отделения В.А. Ливцов и С.В. Фефелов.

Бюст создал орловский скульптор Д.В. Басарев, доцент кафедры живописи, графики и дизайна Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева. Работы по установке выполнило ООО «Мир Габбро» под руководством К.Ю. Щепелина. Скульптура заняла место рядом с домом семьи исследователя на улице Русанова, 43. Здесь в 1982 году открылся музей, который знакомит посетителей с орловскими годами жизни учёного и его арктическими экспедициями.

Напомним, что В.А. Русанов родился в Орле, здесь прошли его детство и юность. Пять экспедиций он посвятил изучению Новой Земли. В 1912 году под его руководством экспедиция обследовала угольные месторождения Шпицбергена. Об этих страницах биографии земляка Орловский краеведческий музей рассказал в юбилейном альбоме «Для величия Родины» и на выставке «На Новой Земле». Теперь посетителей у дома, где жила семья исследователя, встречает его скульптурный портрет.

С.Г. Зинченко — представитель Главного командования Военно-морского флота, руководитель арктических экспедиций Северного флота, капитан 2-го ранга

В.В. Титова — первая заведующая Домом-музеем В. А. Русанова, кандидат исторических наук

Виктор ЛИВЦОВ,
доктор исторических наук, профессор

Легенды древнего города Болхова

(Продолжение. Начало в № 66)

Первоначально деревянный храм на этом месте в Деевской Казачьей слободе существовал уже в XVI веке. В 1608 году его сожгли литовцы. Храм долго не восстанавливался. Очередной деревянный храм был построен в 1730 году.

В 1792 году вместо него «тщанием» болховского купца Василия Косьмина Поспеева, на месте более удалённом от реки Нугри, началось строительство каменной Введенской церкви, освящённой в 1800 году. Храм имел престолы: в холодной церкви главный — Введения во храм Пресвятой Богородицы, а на хорах — Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии. В тёплой трапезной — придел во имя св. великомученицы Варвары (правый) и святого Василия Парийского (левый).

С западной, северной и отчасти восточной сторон его окружала кирпичная ограда с оригинальным рельефным рисунком, в северо-западный угол которой была встроена часовня.

Одно время настоятелем церкви служил священник Николай Васильев, отец художника с мировым именем Михаила Васильева (1830-1900). В государственной Третьяковской галерее хранится его картина «Бог Саваоф». Будучи профессором, академиком Академии художеств Российской империи он расписал русскую посольскую церковь в Париже, стену Николаевской кладбищенской церкви в Севастополе; написал девять небольших иконостасных образов «Рождество Богородицы» в Житомирском и десять религиозных картин в Рижском соборе.

Закрытый в 1932 году, храм стал действовать в годы немецкой оккупации и с того времени не закрывался. В советские годы была разобрана колокольня. В 1989-1990 гг. по проекту архитектора М.Б. Скоробогатова был восстановлен второй ярус колокольни и сохранившийся участок ограды, установлены кресты на куполах.

В эту церковь верующие в советское атеистическое время приносили иконы, спасённые ими из закрытых болховских церквей. От последней игуменьи Всесвятской обители, матери Иларии, в церковь были переданы икона Божией Матери «Троеручица» и крест с частью Ризы Господней, ранее считавшиеся главными святынями Всесвятской женской обители.

В храме хранятся несколько резных деревянных икон, в том числе резная статуя Николы Можайского, перенесённая из собора и по преданию связанная с эпохой Ивана Грозного, а также и резной деревянный рельеф «Голгофа», который считается даром поэта А.Н. Апухтина.

У Алексея Апухтина есть даже стихотворение, которое так и называется «Голгофа»:

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц…
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,

И мёртвые, восстав, явилися живыми…
А между тем в далёком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.
А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,

Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Всё ждало истины…
И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.

И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли — и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.
И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идолы, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Искупитель!

Поскольку женский монастырь, на месте существующего поныне храма Рождества Христова, в екатерининскую эпоху упразднили, монахини вынуждены были скитаться по разным храмам города.

Возникновение нового женского монастыря было связано с именем выпускницы Смольного института дворянки Софии Иосифовны Кадеус, в замужестве Трубицыной. Потеряв 21-летнего сына, она отдельно от супруга поселилась в своём имении под Тулой, где собрала женскую общину. София Иосифовна получила благословение на устроение обители от старца Илариона, Тамбовского и Киевского митрополита Филарета, вместе с пожертвованием от него 10 тысяч рублей, но долгое время сёстры не могли подыскать подходящее место. 21 декабря 1851 года во время утреннего служения, при пении Великого Славословия в Введенском болховском храме большая свеча перед иконой Всех Святых вдруг зажглась сама собой.

Узнавшая об этом чуде С.И. Трубицына с 14 сёстрами перебралась в Болхов и поселилась при Введенском храме. К ней присоединились монахини, до этого жившие в городе. Почти два года до 7 ноября 1853 женская монашеская община находилась при церкви. Сама С.И. Трубицына первоначально предполагала купить дом поблизости от Введенской церкви. Но средств не хватало, да и места для построек келий и хозяйственных построек рядом с Введенской церковью не было, а местные жители не хотели не за какие деньги уступить свои земельные участки.

Тогда сёстры-монахини решили, что на новое место для устройства монастыря изначально указывал образ Всех святых, у которого зажглась свеча, увидели в этом благословение Божие и решили переселиться в дом к маленькой кладбищенской церкви Всех Святых находившийся на западной окраине города. Храм был построен в 1808-1820 годах над могилой основателя кладбища, священника болховской Николо-Гончарной церкви отца Евфимия, его духовным сыном мещанином Стефаном Михайловичем Малаховым.

Переход общины был ранее предсказан преподобным Макарием (Глухарёвым). Его ученица – старица схимонахиня Анастасия Кульнева завещала похоронить себя на новом Всехсвятском кладбище. Её сын командир Финляндского драгунского полка генерал-майор Яков Николаевич Кульнев пожертвовал 200 рублей, на которые монахини в 1853 году расширили уже существовавший храм Всех Святых двумя приделами, в честь иконы Божией Матери «Троеручицы», образ которой был принесён из Белобережского монастыря мещанкой Марфой Андреевной Мясниковой и во имя священномученика Власия. Общине отвели шесть гектаров земли рядом с кладбищем, в местности носившей название «Куликово поле». Дополнительно деньги на строительство обители собирали по подписке. Больше всех – шести тысяч рублей от продажи своего тульского имения пожертвовала сама С.И. Трубицына.

К этому времени в общине насчитывалось уже 45 сестёр. Для них был построен келейный корпус. Торжественное открытие общины на новом месте состоялось 2 июня 1857 года, в честь престольного праздника и осуществлялось Орловским архиепископом Смарагдом. Вскоре число сестёр возросло до 130.

Орловским епископом Поликарпом (Радкевичем) был заложен храм Ризположения, для хранения частицы Ризы Господней, которая досталась Сифии Иосифовне при крещении от крёстного генерала Таракавнова. Он строился по проекту архитектора Н. Ефимова

Не дожидаясь окончания строительства в 1868 году Всехсвятская церковь была перестроена в величественный семиглавый храм, освящённый в 1870 году.

Указом Святейшего Синода 31 марта 1875 года община была возведена на степень монастыря. В мае С. И. Трубицына приняла постриг с именем Веры и стала игуменьей. Она скончалась 15 января 1885 года, перед смертью постригшись в великую схиму с именем Софии.

В 1897 году был достроен пятиглавый храм в честь Положения Честной Ризы Господней. В 1910-е годы в монастыре проживало 245 сестёр, из них 51 монахиня и 8 схимонахинь. В 1923 году обитель была закрыта. В 1930-е годы уничтожен собор Ризположения.

Но старый Всесвятский храм сохранился до нашего времени. Его фасады оформленные красивыми наличниками в русском стиле до сих пор трогают сердце своим изысканным рисунком.

Надежда ВОЛНЕНКО *— выпускница факультета филологии и искусств Санкт-Петербургского государственного университета (кафедра органа, клавесина, карильона), магистр программы «Литературное творчество» СПбГУ. Участница Зимних школ поэзии в Сочи; XX, XXI и XXII Форумов молодых писателей России, стран СНГ и Зарубежья; Всероссийских школ писательского мастерства, Литературных резиденций и мастерских писателей АСПИР, Арт-резиденции в Переделкино. Публиковалась в журналах «Аврора», «Звезда», «Плавучий мост», «Prosodia», «АТМА» и др.*

* * *

Это таинство зимнего света, роковая его благодать
оставляет тебя без ответа, заставляет меня тосковать.

Что там пудрой присыпано белой,
мелкой искоркой доречевой?
Блещут корочкой обледенелой полукружья моста
над Невой.

Затаись, весь в снежинках искристых,
позабытый ненужный Харон,
грея в варежках маслянистых петербургского солнца гудрон,

чёрным глазом до пристальной боли
изучи каждый винтик земной:
видишь, на боковой антресоли
куклу Веру, не ставшую мной?

* * *

Зажигаются пыльные стёкла
посреди петербургской зимы,
а за стёклами Марфа и Фёкла
и в тулупах продрогшие мы.

А на улицах песни и пляски —
льются звуки в оконный проём.
Может быть, оказавшись в Дамаске,
песнь иную Ему пропоём,

но сидим среди белого снега,
среди жёлтых льняных фонарей.
И сияет нам Альфа-Омега,
согревает дыханье зверей.

* * *

Расплетается леса чужого немая схема:
ветряные мельницы листьев подол подъемлют,
золотые рыбки акаций (проснись, фонема,
но не слышит она,
и, выпростанная, дремлет)
осыпаются в воздухе, рождая
плевральный выпот,
электрический мох окутывает дыханье,
пневмоторакс высвистывает из-под
разветвления бронхов, и на прощанье
вытанцовывают в ослепительной свистопляске
люди, звери и шушера вся лесная.
Остаются глухие звуки, пустые связки —
оболочка хитиновая неземная.

* * *

Помнишь у Моцарта в «Волшебной флейте»
три мальчика, спасающие Памину,
всё поют цузамэн о вечном лете,
о цветении трав жасминном.

И не хочется расставаться с чудесной этой
мелодией — всё насвистываешь, играешь,
что-то там между йотой и тэтой
в белоснежно-пустующем рае.

А потом всё таинственней светятся лица —
колокольчики эти и тьма ночная.
И мелодия грустная длится и длится —
каждый раз иная.

* * *

Фотограф нам сказал: «Замрите!» —
и мы послушно замираем.
На фотографии в «Зените»
теперь живём, не умираем.

Стоим, счастливые, в обнимку
на фоне вышколенных сосен,
а воздух плёночного снимка
и оживлён, и светоносен.

Вдали обрыв, каменоломни,
Машук, поляна роковая.
Таких нас, Господи, запомни,
пока мы смотрим не мигая.

Анатолий СИДОРКОВ *родился, живёт и работает в г. Чите. Окончил Читинскую специальную среднюю школу милиции МВД РФ, юридический факультет Сибирского университета потребительской кооперации, РАНХиГС при Президенте РФ, Забайкальский государственный университет, литературные курсы Челябинского государственного института культуры. Проходил службу в уголовном розыске. Служил в танковых войсках. Организовал и возглавлял Совет молодых литераторов Забайкальского регионального отделения (2019-2021).*
Автор сборника стихотворений «Космос, женщина и крест» (2025). Редактор-составитель сборника молодёжной поэзии и прозы «ОНОН» (2020). Произведения опубликованы в журналах: «Слово Забайкалья», «Тобол», «Сибирские огни», «Сибирь», «Дальний Восток», «День и ночь», «Гостиный Дворъ». Член Союза писателей России.

* * *

О чём шумит даурский лес?
О чём его печали?
Как будто ангелы с небес
спустились и качают

его берёзки, и дубы,
и каждый куст под ними.
Как будто воздух из трубы
выходит в холод синий.

Как будто встали скрипачи
и в десять тысяч скрипок
играют так, хоть сам кричи…
Но лес не слышит крика.

И я проникся глубиной,
лесным высоким духом,
чтоб листопадом стать, собой,
иглой сосновой, пухом.

И я шумел как березняк,
дрожал как куст брусники.
Меня пронизывал сквозняк
до глубины, до крика.

Я попытался распознать,
понять его тревогу…
Я был собой, чтобы сказать
потом об этом Богу.

ПРОЩАНИЕ

Прощайте, сосны голубые,
берёзки тонкие мои,
которых не было — и были,
И —

прощайте, снежные предгорья,
друзья и лучшие враги.
И те, кому прибавил горя,
кому не дал, как друг, руки.

Кто носит камни за душою,
кто рядом не был или был.
Кто не присваивал чужое,
безукоризненно любил.

Кто не обманывал и верил
или не верил никому.

Кто, перед носом хлопнув дверью,
ушёл — возможно, на войну.

И каждый трус, и каждый смелый,
и каждый проклявший меня.
И этот город чёрно-белый
из дыма, света и огня.

Микрорайоны, частный сектор,
их разделившая река,
Где я ходил, как юный Гектор,
валявший часто дурака,

до немоты, до острой боли
впитавший улицы как дым,
их проповеди между бойней
и светом нежно-голубым.

И ты, единственная, тоже,
к которой был и нем, и глух…
…Мой одуванчик тонкокожий.
Мой тополиный нежный пух.

ЛИСТОПАД

Невероятен листопад!
Что ни слова, то лёгкий трепет,
Что ни признание, то лепет,
невозвращение назад.

Где мысли на любой исход
в противовес большим изменам?
Ни ветерка, хоть лезь на стены —
одна листва и над, и под.

Ни первых выстрелов зари,
ни стёкол, битых после драки…
Печной дымок. Стоят бараки —
ни шелохнись, ни заори…

И городская пелена
в многоэтажном плене строек.
И город — не Чита, а Троя,
в своих пришельцев влюблена.

И хочется, как царь, смотреть,
не опуская век тяжёлых,
на город призрачный и жёлтый…
И никогда не умереть.

Развитие молодёжного туризма

В городе Твери на базе молодёжного центра исторического парка «Россия – Моя История» в рамках реализации программы от Росмолодёжь «Больше, чем путешествие» прошёл окружной образовательный интенсив Центрального федерального округа, посвящённый актуальным вопросам развития молодёжного туризма в России. В мероприятии приняли участие представители из 18 субъектов РФ Центрального федерального округа. Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС на образовательном интенсиве представляли преподаватели кафедры пищевых технологий, сервиса, торгового и таможенного дела **Людмила Пашкевич** и **Татьяна Макарова.**

Программа интенсива направлена на изучение современных подходов к работе с молодёжной аудиторией и включает несколько ключевых блоков: ценности и система координат молодёжного туризма; целевая аудитория, тренды и вызовы молодёжного туризма; бренд и коммуникационное поле молодёжного туризма. Наиболее пристальное внимание было уделено трансформации целевой аудитории молодежного туризма. Участники отметили, что сегодня молодёжь – это не просто потребитель услуг, а соавтор путешествия. Ключевым блоком стала работа над коммуникационным полем молодёжного туризма. Рассмотрены эффективные каналы продвижения туристских продуктов: от классического контент-маркетинга в социальных сетях до использования инструментов геймификации и вовлечения молодёжи через студенческие сообщества и медиа.

– Знания, полученные в рамках образовательного интенсива, позволят интегрировать актуальные кейсы и практические инструменты в учебный процесс, а также обновить содержание курсов, связанных с организацией туристкой деятельности и маркетингом территорий, – отметила доцент кафедры пищевых технологий, сервиса, торгового и таможенного дела Людмила Пашкевич.

Окружной образовательный интенсив является важным шагом в укреплении практико-ориентированного подхода в образовании и развитии партнёрских связей с профильными организациями, а также базой для подготовки предложений по развитию молодёжного туризма в России.

Фестиваль адаптивного спорта

В Московском кампусе Президентской академии прошёл первый фестиваль адаптивного спорта «Разрушая барьеры». В нём приняли участие студенты из Ростова-на-Дону, Екатеринбурга, Орла, Владимира и Нижнего Новгорода. Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС на фестивале представила команда, подготовленная кандидатом педагогических наук, доцентом, заведующей кафедрой физического воспитания **Еленой Максимовой**.

Фестиваль проводился с целью повышения качества и доступности высшего образования для обучающихся из числа инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также выявления и распространения лучших практик обучения и психолого-педагогического сопровождения. Участники соревновались в настольном теннисе, плавании, шахматах, дартсе и петанке.

Студенты института достойно представили вуз в своих категориях нозологии. **Михаил Новиков** (2 ГОСПб) занял третье место в шахматах. **Алёна Ермакова** (3 ТМОСПб) стала первой в дартсе. **Лада Смоликова** (2 ТОСПб) одержала победу в настольном теннисе и дартсе. **Роман Тишаев** (3 МОСПб) завоевал первое место в дартсе. Кроме того, команда института заняла почётное третье место в соревнованиях по петанку.

Помимо спортивной программы, для участников были организованы экскурсии и тёплая встреча с известными спортсменами: **Анастасией Диодоровой** (серебряный призёр Паралимпийских игр по плаванию), **Ириной Дрокиной** (призёр чемпионата России по плаванию среди спортсменов с нарушением зрения) и **Марком Трошиным** (чемпион Сурдолимпийских игр). В рамках фестиваля также прошёл круглый стол, где представители команд обсудили практики организации работы с обучающимися, имеющими инвалидность.

– Фестиваль «Разрушая барьеры» – это не просто соревнования. Это важный шаг к тому, чтобы каждый студент, независимо от особенностей здоровья, мог реализовать себя в спорте и почувствовать себя частью большой академической семьи. Наши ребята показали достойные результаты, и я благодарю их за волю к победе и командный дух, – отметила Елена Максимова.

Поздравляем победителей и призёров с успешным выступлением! Участие в таком фестивале подтверждает приверженность Среднерусского института управления принципам инклюзии и равных возможностей, а также вносит вклад в развитие адаптивного спорта в Орловской области и всей стране.

Кружевница

Анна Дмитриевна Тенишева родилась в 1852 году. Она принадлежала к старинному помещичьему роду села Бежичи Брянского уезда. Отец Анны – Дмитрий Николаевич Замятнин (1805–1881) происходил из дворян Нижегородской губернии. В своё время он окончил Царскосельский лицей (третий выпуск) с серебряной медалью. Начал он службу во 2-м отделении собственной Его Величества Канцелярии. Был обер-прокурором гражданских департаментов Сената, сенатором, товарищем министра юстиции.

В 1864 году Дмитрия Николаевича утвердили в должности министра юстиции и Генерал-прокурора.

В возрасте 62 лет его освободили от должности и назначили членом Государственного Совета. За добросовестную службу Д.Н. Замятнин был удостоен ряда высших российских наград. Среди них орден Святого Александра Невского с бриллиантами и Святого Владимира 1-й степени.

По отзывам современников, Дмитрий Николаевич «отличался трудолюбием, скромностью, простотой в обращении, бескорыстием, правдивостью, был человеком характера мягкого и доброжелательного. Делать добро было для него истинным наслаждением, «неодолимой потребностью его нравственной природы». По свидетельству сенатора Д.Б. Бера, «всегда спокойный, чуждый мелочного самолюбия, он требовал серьёзного отношения к делу. По словам сенатора А.Ф. Кони, «в частной жизни Дмитрий Николаевич был отличный семьянин, большой хлебосол и приятный собеседник. Высокий, прямой, с красивою седою головою, гордою походкой и ясной речью, он до конца сохранял свежесть духа и бодрость тела. Был большой любитель ходить пешком и, несмотря на свои преклонные годы, делал ежедневно по 3-5 вёрст. Жизнь вёл очень скромную. Мать Анны Дмитриевны – Екатерина Сергеевна Неклюдова (1812–1886) была фрейлиной двора, дочерью мирового судьи и внучкой сенатора. Люди, знавшие её близко, замечали: «Госпожа Замятнина была очень умная женщина и имела все качества, составляющие то, что французы называют – «Une maitresse femme» (энергичная). Много лет она состояла начальницей Николаевского сиротского института. В семье Замятниных было пятеро детей. Анна, младшая, как и другие дети, получила хорошее образование и достойное светское воспитание.

В 1875 году, 23 лет от роду, Анна Дмитриевна выходит замуж за князя В.Н. Тенишева. Она моложе его на 9 лет. Вскоре супруги поселяются в новом доме в Бежице.

Первой жене князя Анне Дмитриевне он показался излишне обширным и не совсем уютным. Но князю возражать было бесполезно. И только детскую комнату на втором этаже она обустроила по своему замыслу.

К концу восьмидесятых годов в семье князя возникли неурядицы. Выйдя замуж за Тенишева, который проигрался и практически разорился (?), Анна просила оставить его увлечение карточной игрой и умерить чрезмерное пристрастие к великосветским вечерам с алкоголем. Напоминала, что двести тысяч рублей, которые он вложил в акции завода, субсидировала она, продав своё имение.

Муж парировал: «Будь довольна княжеским титулом и фамильным гербом». Не обладая настойчивостью и питая к мужу «нежные чувства», Анна всё прощала титулованному супругу. Но когда она узнала о связях В.Н. Тенишева «на стороне», терпение её закончилось.

Примерно в 1889 году произошёл разрыв Анны Дмитриевны Тенишевой с мужем. Не помогло установлению тёплых семейных отношений и рождение сына Вячеслава. Когда ему исполнилось 13 лет, Анна окончательно рассталась с князем. Этот брак длился почти 16 лет.

Князь остался верен себе и не изменил привычки. Будучи знатоком искусства, музыки, театра, на одном из вечеров у своей сестры он познакомился с молодой певицей и увлёкся ею. Мария Клавдиевна Николаева была моложе князя на 22 года. Князь к тому времени исчерпал свои отношения с первой женой, но, как и Мария Клавдиевна, не был разведён. Развод в России был делом трудным и не приветствовался властями и обществом. Но он устроил всё тихо, спокойно и прилично. Певица с неудавшейся личной жизнью предстала перед родными, знакомыми и всем петербургским обществом как княгиня Мария Тенишева. «Странные», на первый взгляд, поступки князя объясняются его страстной натурой.

Брак Марии Клавдиевны с Вячеславом Николаевичем Тенишевым был заключён в 1892 году. Когда новая жена приехала в Бежицу, ей всё здесь не понравилось. И даже двухэтажный особняк запомнился как одноэтажный, безобразный, необставленный и необорудованный.

Конечно, Марии Клавдиевне хотелось приобрести в Бежице такие же авторитет и уважение, какие имела первая жена Тенишева. Сделать это сразу было нелегко. Во-первых, Анна Дмитриевна сама была из этих мест… Во-вторых, в годы русско-турецкой войны она, как уполномоченная Брянского уездного комитета попечения больных и раненых солдат, возглавляла лазарет при рельсопрокатном заводе.

Среди раненых Анна Дмитриевна пользовалась большой любовью, а председатель комитета высказывал большое удовлетворение деятельностью первой жены князя Тенишева.

Стараниями Анны Дмитриевны в 1879 году на старой базарной площади заводского посёлка появился молитвенный дом. В 1880 году создан первый детский сад; открыта за её счёт школа. Восстановлена церковь Петра и Павла. В 1884 году при её инициативе и деятельном содействии было закончено строительство храма Преображение Господня. Храм получился дивной красоты, богато украшенный и расписанный отличными живописцами. Пожалуй, трудно было найти в округе Брянска более обширное и привлекательное сооружение. Церковь превосходила городской собор Брянска».

Идея организации женской школы в Бежице тоже принадлежала Анне Дмитриевне. По её настоянию школа была вскоре построена на средства завода.

Ещё одна цитата из упоминавшейся статьи в газете «Бежица»: «…в начале девяностых годов Анна с сыном вынуждена была покинуть Бежицу. Сначала они жили на лесопильном заводе у станции Белоглавая (ныне Жуковский район). После окончания сыном университета поселились на улице Завальской в доме Семёнова в Брянске».

Много времени Анна Дмитриевна проводила в своём имении Александровке Мценского уезда Орловской губернии…». Теперь её занятием стала философия. Анна Дмитриевна налаживает переписку с Ф. Ницше. Автор посылает ей экземпляр своей книги «Казус Вагнера. Проблема музыканта». В 1894 году Анна Дмитриевна публикует небольшую его часть в московском журнале «Артист». Вот отрывок её письма Ф. Ницше: «Хотя я, к сожалению, не имела ещё повода узнать Вас лично, у меня, тем не менее, есть внушительное представление о глубине Вашей мысли и всей Вашей личности, главным образом благодаря лекциям, которые читал о Вас Георг Брандес».

Мценский край стал для Анны Дмитриевны местом душевного успокоения и реализации её увлечения народными промыслами.

Мценское кружево – одно из самых старинных. Ещё в XVIII веке под Мценском работала самая крупная в России мануфактура А.И. Протасовой по его производству. Приглашённые из Бельгии учительницы обучали мастерству местных девушек. Русские девушки учились с интересом, но перенимали иностранное искусство творчески. Очень скоро мотивы их плетения стали настолько уникальны, что во всём мире заговорили о русском кружеве.

Глядишь на затейливые узоры, и встают перед глазами неспешные ручейки и речки, буйное разнотравье июньского полдня, хрупкая красота присевшей на ресницы снежинки. А ещё напоминает оно напевные мотивы протяжных песен, которые пелись мастерицами долгими зимними вечерами. Девушки и женщины в Мценске очень прилично одевались. Они не только красиво наряжались в кружева, но и приносили доход своим семьям. Мценск тогда был сельскохозяйственным городком.

Когда заканчивался сельскохозяйственный сезон, кружевоплетением занималась не только женская часть населения, но и мужчины. Сильный пол тоже начинал помогать в этом деле, потому что оно приносило существенный доход в семью.

Нередки были случаи, когда девушка-сирота, освоившая кружевоплетение, к моменту выхода замуж имела за плечами достойное приданое и не одну сотню рублей. По тем временам за 250 рублей можно было купить дом.

Опытная кружевница могла заработать эти деньги за год. В некоторые годы из Мценского края вывозилось более миллиона метров кружев. Продукцию поставляли царскому двору, в Англию и Турцию.

В конце XIX века судьба мценского кружева оказалась тесно связанной с именем княгини Анны Дмитриевны Тенишевой. Одним из самых успешных её начинаний явилось открытие 4 сентября 1899 года в городе школы кружевниц для девочек 8-12 лет.

Школа входила в пятёрку лучших школ подобного типа в России. Наряду с обучением ремеслу здесь велось преподавание основ грамоты и рисунка. А.Д. Тенишева пригласила выпускницу Мариинской школы кружевоплетения Полякову. Первоначально «Школа кружевниц» существовала за счёт собственных средств Анны Дмитриевны.

Но так как контингент учащихся постоянно увеличивался, то при школе был открыт интернат с полным пансионом для наиболее одарённых учениц из окрестных сёл.

А.Д. Тенишева обращается с прошением на имя орловского губернатора о выделении средств на содержание школы. Тот в свою очередь ходатайствует перед министерством землеустроения о финансировании школы кружевниц. Вопрос был решён. С 1900 года на содержание школы выделялось министерством ежегодно 500 рублей. Часть расходов взяла на себя Мценская городская дума.

Усилия, прилагавшиеся княгиней для развития кружевного промысла, увенчались успехом. На Орловской выставке мценское кружево было удостоено золотой медали, а княгиня А.Д. Тенишева награждена почётным дипломом за развитие кружевного промысла. Постоянной заказчицей мценских кружев была Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, а образцы кружева закупались для Санкт-Петербургского музея кустарного искусства.

Мценская школа кружевниц просуществовала до начала Великой Октябрьской революции. К сожалению, после революции А.Д. Тенишева была вынуждена эмигрировать в Париж», – пишет Т.А. Ягупова (к.п.н., Орловский государственный университет).

В настоящее время при Мценской художественной школе, благодаря местным энтузиастам, существует отделение кружевоплетения.

Созидательная жизнь княгини не ограничилась «Школой кружевниц». А.Д. Тенишева делала значительные пожертвования в библиотеки уезда. Она построила и содержала на свои средства несколько земских школ.

В 1904 году в своей усадьбе в Старенкове *(недалеко от с. Тельче. – Прим. Ред.)* открыла врачебный участок, обеспечила еженедельный приём больных с бесплатным отпуском лекарства. Роженице она всегда посылала пелёнки, распашонки, полотенца, платочки, сладости. Анна Дмитриевна вошла с ходатайством в земское собрание об устройстве в уезде больницы, взяв на себя обязательство: ежегодно вносить по 600 рублей, а в случае своей смерти обеспечить это учреждение внесением в банк 15 000 рублей. Благотворительными деяниями, внимательным отношением к простому человеку А.Д. Тенишева оставила о себе добрую память, как оказалось, на долгие годы.

Всё, что осталось от имения Анны Тенишевой в Мценском районе

Встреча со школьниками

Член Союза российских писателей Ольга Аристарина почитала свои стихи краснозоренским первоклассникам

Писатель провела встречу с детьми в Краснозоренской центральной библиотеке.

Ольга Аристарина познакомила ребят со своими героями – Слонным сном, Иван Иванычем Трампарамом и другими милыми, забавными, полными иронии персонажами.

Для первоклашек это был первый опыт живого общения с писателем, и он запомнится не только стихами, но и пониманием того, что творчество помогает делиться своими мыслями и фантазиями.

